

Двойной горизонт

Автор:

Андрей Земляной

Двойной горизонт

Андрей Борисович Земляной

Любимчик богов #2 Попаданец (АСТ)

Горыня Григорьевич Стародубский не задумывается над тем, есть ли жизнь после смерти или там чёрная пустота. Пусть об этом чаще задумываются враги Российской империи, и прежде всего те, кто приходит сюда с огнём и мечом. И Крымская война уже не будет такой, как в нашей истории, и даже боги сильно пожалеют, что стали врагами империи.

Андрей Земляной

Двойной горизонт

© Андрей Земляной, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

С глубокой признательностью хочу выразить благодарность Карену Степаняну и Дмитрию Ревину за помощь в работе над книгой.

Повстречал Иван говорящего волка да без разговоров как вlepил ему из двух стволов картечью. Ну не дурак ли?

Новые русские сказки. Сборник кратких историй престранных, записанных со слов князя Кропоткина, с его благоволения публикуемых. Издательство «Коломяги». 7355 год[1 - Здесь и далее годы от сотворения мира. 7355 год – это 1847 год от Рождества Христова. Рассчитывается как год от РХ плюс 5508.]

Скандал с невозможностью выплат меняльным домом купца Игнатова вполне ожидаемо разрешился приездом правоохранителей в главную контору, с предписанием предоставить все фискальные и иные документы для работы ревизии. Но то, что произошло потом, ещё долго будет предметом пересудов столичного общества, так как в здании внезапно возник сильнейший пожар, грозивший уничтожить все искомое ревизорами. Трудно сказать, были ли предупреждены чины охранительной стражи, но тройка боевых волхвов мгновенно затушила огонь, и уже через час ревизоры приступили к описи бумаг, слегка испорченных пламенем.

Сам же купец Игнатов подан во всеимперский розыск, о чем составлены розыскные листы, направленные курьерской почтой во все уголки державы.

* * *

Решением высшего суда Империи организация под названием «Русский ковен» признана враждебной, зловредной и подлежит немедленному запрещению. Все отделения её должны быть закрыты, помещения опечатаны, и произведена выемка документов, с последующей отправкой в адрес коллегии судебных следователей, для продолжения действий по изучению противогосударственной деятельности означенной организации. Всякое же упоминание «Русского ковена» отныне должно соотноситься с пометкой «Запрещена в Российской империи».

Московские ведомости. 8 травня 7361 года

– На Красную площадь выходит сотня первого гвардейского бронеходного полка! Бронеходы первого полка снискали гвардейское достоинство при штурме Эривани, принимая на себя огонь басурманских батарей и прорывая укрепления. Именно бронеходы генерала Платова пробились через огненные завесы магрибских колдунов, выбивая точной стрельбой кромешных тварей, рвущихся к нашей штурмовой пехоте. Сегодня отборную сотню ведёт сам генерал-лейтенант Платов, снискавший великую славу на полях сражений и награждённый золотым знаком Перуна, с мечами и жезлами, вручаемым за полководческие заслуги.

Под грохот гусениц и рёв моторов на Красную площадь стали выползать низкие угловатые коробки бронетранспортёров, выкрашенные в грязно-зелёный цвет, украшенные алыми лентами и гербом полка на лобовой броне. Несмотря на все усилия Кропоткина и Стародубского, бронетранспортёры получились совсем «так себе» с запасом хода в пятьдесят километров, угловатые, неповоротливые и смрадно чадившие удушливым сизым дымом. Но даже такие изделия заставляли сильно задуматься вражеских генералов, произведя действительно феерическое впечатление на всех иностранных гостей, заставив побледнеть тех, у кого было хоть немного воображения.

Идея с парадом была не нова. Торжественные проходы войск на плацу проводили многие страны, но чтобы вот так, по главной площади страны, под громяющий медью оркестр, и в присутствии гостей со всего света – такого зрелища, которое продемонстрировали в Москве, никто ещё не видел. Колонны войск, техники, трибуны для публики, огромный сводный оркестр многоцветье флагов, танки, авиация и реактивные системы залпового огня.

Князь Кропоткин, видимо не доигравший в детстве, превращал всё, что попадало в его руки, нет, не в балаган, но в яркое и запоминающееся зрелище. Вот и сейчас он организовал парад в честь освобождения Эривани от турков в стиле советских военных парадов, с флагами, зрителями на трибунах и громким голосом ведущего – советника военного приказа Загряжского, отличавшегося глубоким и бархатным тембром голоса.

Звук усиливали пять сменяющих друг друга волхвов, и его громовые раскаты были слышны далеко от площади, где тоже было полно народу, слушавшего таким образом «прямую трансляцию» с места событий. Впрочем, войска,

участвовавшие в освобождении Кавказа, всё равно прошли по крупнейшим улицам Москвы, дав полюбоваться на себя горожанам.

Княжич Горыня Стародубский находился на вышке, откуда было удобно руководить всем представлением, исполняя роль второго номера при Кропоткине и следя за очерёдность появления сводных батальонов на площади.

Рядом с ними находилась тройка волхвов, передававших сообщения по магической связи волхвам, находившимся в войсковых колоннах и выпускающим на площадь, так что управление было вполне оперативным.

Государева ложа, где сидел сам монарх и высшие руководители империи, находилась там, где в ином мире возвышался мавзолей Ленина, а кресла для царской семьи стояли чуть ниже государя, и сейчас там, среди пёстрой толпы, где-то была и великая княжна Анна, занимавшая мысли Горыни намного больше, чем этого ему хотелось.

Та ночь, на Перунов день, проведённая на берегу Аузы, на первый взгляд не имела никаких последствий. Как объяснил князь Дмитрий Николаевич Васильчиков: «Всё, что в той ночи было, там же и осталось». Первое время Горыня всё искал способа объясниться с Анной, но словно натыкался на глухую стену, и через какое-то время бросил эту маету, занявшись действительно важными делами, которых у него было хоть отбавляй.

Но маленький пушистый комочек, за три месяца выросший в чуть нескладного, но крупного кота, и очень мощное, но своенравное оружие, притворявшееся простой металлической палкой, напоминали о той ночи постоянно.

– Дмитрий Николаевич, воздухолёты пошли. – Горыня, наблюдавший горизонт через зрительную трубу, увидел, как из-за крыш появились пять точек штурмовых дирижаблей класса «Альбатрос». Собранные на стапеле шестимоторные корабли с полужёсткими баллонами могли нести до двадцати тонн боевой нагрузки и четыре бортовых пулемёта, что обещало вражеским войскам немало ярких впечатлений.

После уничтожения Королевского Источника в Лондоне все европейские страны начали торопливо строить дирижабли и за прошедший год достигли немалых

успехов. В пользу массовых программ строительства воздушного флота даже урезались военные корабли и перевооружение войск, так что к текущему лету евроорда должна была обзавестись более чем двумя сотнями летающих кораблей. Двигатели пока ставили паровые, так что соотношение собственного веса и полезной нагрузки было мизерным, но тут уже работало общее количество кораблей.

Против воздушной армады русские воздухоплавательные силы могли выставить всего около полусотни кораблей разного тоннажа, но, как сказано в одном старом анекдоте, был нюанс. И эти нюансы различных калибров сейчас ударно клепали на двух оружейных заводах, а ещё три фабрики нарабатывали боеприпасы, которые автоматическое оружие потребляло со страшной скоростью.

Были и другие сюрпризы, которые готовили на заводах и фабриках империи сотни тысяч специалистов разных профессий. Учёные, инженеры, мастера и рабочие трудились в три-четыре смены, выпуская оружие, которого ещё не было на полях сражений.

Доставалось и охранителям, которые отлавливали многочисленных шпионов, и волхвам, занятым воплощением в жизнь того, что князь Кропоткин назвал «магическим закрытием технологического разрыва». Даже стосорокалетний старик – Михайло Ломоносов, академик и действительный тайный советник, вернулся из своего имения под Калугой, чтобы поучаствовать в процессе.

В первую встречу Горыня поначалу побаивался живой легенды русской науки, но уже через пару часов обсуждения нового завода по производству взрывчатки они вовсе орали друг на друга, а старик даже попытался пару раз стукнуть князя Стародубского сухим и не по-стариковски крепким кулаком. Но расстались лучшими друзьями, и тайный советник Ломоносов пообещал первую продукцию уже через полгода после начала строительства.

Также Ломоносов подтянул десятки своих учеников и уже отошедших от дел управителей казённых заводов, так что кадровое пополнение вышло более чем солидным.

Но работы хватало всем. Последний выпуск политехнического училища, практически целиком, загнали на стройку промышленного комплекса на берегу

Волглы, у создаваемого Усть-Щекнинского водохранилища, где по плану должна встать новая гидроэлектростанция, а ещё три срочных выпуска мастеровых училищ распределили среди государевых заводов, сразу закрыв тысячи мест, где требовалась высокая квалификация.

Да, многие проблемы можно было решить с помощью волхвов, но княжич Стародубский и князь Кропоткин предпочитали сразу закладывать основание для тяжёлого машиностроения, не зависящего от магии и вообще от природных капризов. И волхвы обеспечивали лишь хороший и удобный старт для развития технологии, но в дальнейшем заводы работали уже без их помощи.

И дело было не только в том, что волхвов было мало и силы их не бесконечны. Обучить грамотного станочника было на порядок проще, чем сильного волхва, а инженерных училищ было в десятки раз больше, чем школ, готовящих магов всех специальностей.

– Над Красной площадью – воздухолётный отряд первого воздушно-штурмового полка под командованием адмирала воздушного флота стольного боярина Нахимова. «Сокол» – флагманский корабль полка, совершил более пятидесяти вылетов на бомбардировки позиций турецкого войска, вывозя раненых с поля боя, что спасло сотни жизней наших воинов...

Горыня вновь отвлекся от своих мыслей, наведя подзорную трубу на сводный оркестр, который после пролёта дирижаблей должен был заиграть «Прощание славянки» – марш, подаренный Кропоткиным всей армии Российской империи, заканчивавшей парад торжественным проходом.

Точно в нужный момент, когда хвосты воздухолётов миновали островерхие крыши храма Рода, оркестр врубил марш, и под звуки труб на площадь начали выезжать эскадронные колонны гвардии.

– Десять часов, князь. – Горыня улыбнулся Кропоткину и с треском сложил подзорную трубу.

– Мы молодцы. – Князь кивнул. – Всё минута в минуту. Так. Теперь погуляй по городу, отдохни, и вечером давай во дворец. Ровно в шесть – выход государя.

– Да знаю. – Горыня вздохнул. Одной из обязанностей сотрудника Канцелярии было присутствие на всех мероприятиях, где появлялся государь, причём в парадной форме, со всеми регалиями, и торчать там как минимум до ухода императора. С одной стороны, не слишком обременительная нагрузка, а с другой, времени и так не хватало, и раз не дают нормально работать, Горыня с удовольствием всё это время поспал бы или посидел где-нибудь на берегу тихой речки.

Но сегодня он должен был появиться не один, а с сестрой и отцом, который выводил в свет младшую княжну Марию Стародубскую, а значит, смуться под благовидным предлогом никак нельзя.

За полгода пребывания в Москве Маша успешно подтянула знание этикета, танцы, музицирование, иностранные языки и всё то, что должна знать юная девица, выходящая в свет. Были пошиты многочисленные наряды на все случаи жизни, а также приобретены украшения, приличествующие девушке юных лет, выходящей в свет.

Обычно дебютанток светского общества представляли обществу на ежегодном Осеннем бале, но для Марии было сделано исключение, и две недели назад князю Стародубскому доставили именное приглашение на бал в Кремле, где было указано, что княжна Мария Стародубская должна непременно быть.

И хорошо, что до торжества оставалось достаточно времени, чтобы резко ускорить приготовления. Особняк Стародубских превратился в сумасшедший дом, где мелькали портные, парикмахеры и представители ювелирных компаний. Везде, от приёмной до зимнего сада, были разбросаны каталоги, обрезки тканей и рекламные листовки. Слуги бегали словно наскипидаренные, а Горыня, несколько дней взиравший на этот бардак, чуть было не сбежал жить в гостевой дом Канцелярии, но неожиданно напоролся на строгую отповедь князя Юсупова, который и пояснил, что как минимум треть этого шума делается для того, чтобы ему, Горыне Стародубскому, молодому генералу, обласканному государем, не было стыдно за сестру перед представителями старых семей. Так что пришлось смириться и терпеть бесконечные показы платьев и моделей причёсок.

Зато кот, получивший позывной Бластер, в особняке чувствовал себя, словно выдра в болоте. Сначала бегал по комнатам и давил мышей, потом, когда чуть подрос, начал спускаться в подвалы и ловить крыс, а закончил тем, что извёл на всей территории всю деструктивную живность, включая кротов и как-то приبلудившегося банника[2 - Банник – мелкая нелюдь, живущая в основном в служебных и хозяйственных постройках.], трупик которого он торжественно выложил на крыльцо дома.

Последним подвигом малолетнего шкодника была триумфальная победа над выводком мелких комнатных собачонок – левреток, которых по французской моде держала хозяйка соседнего особняка графиня Полозова. Шумная и визгливая стая временами пробиралась в парк Стародубских и учиняла разгром и потраву разной степени, но тут им вышла натуральная Березина[3 - Сражение на Березине – общее название боев 14 (26)–17 (29) ноября 1812 года между французскими корпусами и русскими армиями Чичагова и Витгенштейна на обоих берегах реки Березина во время переправы Наполеона в ходе Отечественной войны 1812 года.], так как Бластер категорически не желал делить свою территорию с кем бы то ни было. Когда визжащая и окровавленная свора вернулась в свои владения, графиня даже изволила прийти лично, дабы высказать своё неудовольствие и потребовать виру за «покалеченных бедняжек», но вполне ожидаемо получила полный отлуп и встречные требования в связи с неоднократной порчей паркового хозяйства.

– А вот кому пирожки с телятиной, икоркой, зайчатинной и зеленью! Пирожки вкусные исправят лица грустные! – надрывалась продавщица, державшая перед собой лоток на длинной верёвке на шее. Одетая в женский полукафтан и повойник, дородная румяная девица своим зычным голосом перекрывала весь уличный шум, и Горыня, чуть поморщившись, подошёл ближе.

– Пирожки меншиковские?

– Они самые, соколик, – не оборачиваясь бросила лотошница и, повернув голову, увидела белый с золотом генеральский мундир. – Ой. – Она прикрыла рот кончиком платка и неожиданно широко улыбнулась. – Попробуйте, господин хороший. Ещё горяченькие. Корочка хрустящая, как снежок поутру. И у Шинь Ю чаёк ханьский непременно возьмите. Духовитый, что лес перед грозой.

– Давай, красавица, пару с икрой красной и один с зайчатинной. – Горыня улыбнулся в ответ. – Зайчатина-то не тухлая?

– Да как можно-то? – вскинулась лотошница, но, поняв, что молодой генерал шутит, укоризненно покачала головой. – Из хозяйства Гордонов, же. Тока вчерась ещё прыгали.

Устроившись за столом у маленького загончика со столами и стульями из гнутого орешника, Горыня стал неторопливо поедать вкуснейшие пирожки с хрустящей корочкой, перемежая с душистым зелёным чаем, и вновь мысли, словно притянутые магнитом, вернулись к последствиям той памятной ночи.

Такая простая с виду стальная палка, мгновенно превратившая упыря в горстку пыли, была предъявлена главе Приказа охотников, а также стольных начальников, хранителей-оружейников, архивариусу, даже князьям Васильчикову и Гагарину – главному имперскому обережнику, занимавшемуся всякой рунистикой и артефакторикой.

Через пару часов напряжённой дискуссии мэтры боевой магии, артефакторики и прочих прикладных магических дисциплин вынесли глубокомысленный вердикт, что штука сия весьма похожа на Громовую Десницу, что была у Ильи Муромского, и на Святогорову Палицу, но совсем не такова, а вот совершенно другая. Но все согласились, что штука зачётная, и рекомендовали Горыне пользоваться ею почаще, чтобы по возможности раскрыть потенциал оружия.

И теперь Горыня вместо подаренного кинжала таскал на поясе в специально изготовленных ножнах фактически простую арматуру, которая, правда, периодически показывала свой крутой нрав, проходя на тренировках сквозь брёвна, оставляя ровный срез.

Но Горыня, как насквозь прагматичный тип, недолго задумывался над волшебными свойствами палки, тем более что на поясе, кроме неё, висел ещё и шестизарядный пистолет крупного калибра с пятью запасными магазинами, да и вообще хватало других забот.

Охотники в лице главы управы князя Остен-Сакена настоятельно попросили сделать им гранаты, причём такие, чтобы сами охотники уже в пяти-десяти метрах никак не пострадали, а вот всякой нежити было нехорошо. И Горыня таки сделал, хоть и пришлось изрядно попотеть и перепробовать десятки

вариантов снаряжения и формы. Маленькие, размером с крупное яйцо, гранаты были снаряжены гексогеном, а в оболочке находилось пятьдесят граммов серебросодержащего геля, опасного только на ближней дистанции и только нежити. При взрыве гель образовывал плотное облако мелкой взвеси, которая попадала во все раны и отверстия на теле тварей, вызывая болевой шок.

Кроме того, княжич наладил выпуск взрывающейся пули под гладкоствольное ружьё крупного калибра, снаряжённой бронебойным сердечником, мощной взрывчаткой и мелкой серебряной пылью. Такая пуля с высокой вероятностью пробивала даже кожу упыря и, взорвавшись внутри, отравляла его серебром. Но даже просто детонировав на коже, выдавала плотное облако металлической пыли, мгновенно лишавшее нежить возможности ориентироваться в пространстве.

Ещё одна проблема, с которой Горыня и Кропоткин мучились уже столько времени, заключалась в компактном и мощном двигателе внутреннего сгорания для самолёта. Как ни бились, как ни изгалялись, но первое время получалось нечто тяжёлое, маломощное, тихоходное и, что самое печальное – низкой надёжности. В шутку предложив соратникам по Государевой Канцелярии решить проблему мозговым штурмом, Горыня получил неожиданно действенную помощь от всех, но особенно от боярина Штемберга. Именно он внёс огромное количество предложений и изменений в технологический процесс, позволивший двигателям достичь мощности в сто пятьдесят лошадиных сил, при весе в сто семьдесят килограммов, что для этих технологий было техническим, а точнее техномагическим совершенством.

Первый самолёт – кургузый биплан с открытой кабиной – сломался ещё не взлетев. Подкачали крепления крыльев. Второй экземпляр эффектно взорвался на рулёмке, разнеся моторный отсек по всему аэродрому, и только пятый более или менее успешно поднялся в воздух, совершив аккуратный и осторожный круг над аэродромом. Горыня, ставший первым и единственным испытателем новой техники, добивался от самолёта лёгкости в управлении и надёжности, но первые машины были весьма капризными. Зато третья модель вышла уже вполне приличной, даже способной на некоторые фигуры пилотажа. Два мощных мотора и крепкие плоскости позволяли ему брать на борт до полтонны груза и разместить автоматическую пушку.

В то время, когда пока ещё безымянный самолёт учился летать, учились и лётчики авиаотряда, набранные из экипажей воздушных судов, егерей, а также

гражданских добровольцев, в основном из служилого дворянства, хотя было и двое мещан и даже один бывший общинник, упросивший Кропоткина дать ему шанс.

Летали вначале на планерах, которые запускали прямо с земли паровой тягой, и в условиях строжайшей секретности, расположив лётное поле между владениями князей Кропоткина и Васильчикова. Там по определению не могло быть посторонних, так как с одной стороны находилась школа для военных волхвов, а с другой – производственные площадки, где создавалось автоматическое оружие, и людей оба князя подбирали исключительно осторожно. К февралю все курсанты школы уже сдали практическое пилотирование на машинах первого этапа, и школа сразу же приняла ещё три десятка курсантов – будущий истребительный авиаотряд, под который и сделали новую машину – двухместный двухмоторный штурмовик-бомбардировщик. Таких штурмовиков наштамповали чуть меньше сотни, и пилоты-инструкторы первого выпуска довольно уверенно поражали и воздушные шары, и мишени на земле. Оставались проблемы с низким моторесурсом – двигатели выдерживали самое большее сто часов налёта, но дело сдвинулось. А на чертёжных досках уже был нарисован тоже двухмоторный самолёт, но куда большего размера и, самое главное, с более высокой скоростью и грузоподъёмностью.

Пирожки и чай закончились почти одновременно, и, отпив последний глоток, Горыня встал, проверил мундир на предмет прилипших крошек и степенно, как и подобает столь высокому чину, отправился гулять дальше, разглядывая нарядно одетых горожан.

В толпе мелькали национальные одежды многих народов, населявших империю, от ханьских халатов до архангелогородских кафтанов, малороссийских, расшитых бисером жилеток и стоял разноголосый гул десятков языков. А ещё проскальзывали стайки лицеистов в форменных тужурках, школяров и курсантов различных училищ, в сопровождении воспитателей и сами по себе, дети с родителями, лотошники и прочая публика, радовавшаяся тёплому солнечному дню и всеобщему празднику.

Тренированный взгляд отмечал в толпе и тех, для кого праздник был рабочим днём. Чинов охранительной стражи в чёрных мундирах, патрули Особых Сотен и волхвов, следивших, чтобы никто в толпе не таскал опасные амулеты и даже

Тайной Канцелярии, выставлявшей своих людей в узловых точках города, так как у них была возможность мгновенно вызвать и военное подкрепление и медиков.

С Манежной площади, через Охотный Ряд, Горыня вышел к Большому театру, где прямо на ступенях театра актёры показывали спектакль для гуляющей публики, из маленьких комедийных сценок.

Горыня постоял немного, с улыбкой смотря, как нерадивый градоначальник пытается наладить дела в своём городе накануне приезда ревизора, и пошёл дальше, никуда не спеша, наслаждаясь аурой всеобщей радости и тепла.

В маленьком сквере у перекрёстка Неглинной и Кузнецкого моста выступали италийские комедианты с фокусами, и, проходя мимо, Горыня бросил рубль в потёртую шляпу, протянутую совсем юной, лет четырнадцати, девчонкой в ярком алом трико и короткой, ничего не скрывающей юбочке, и получил ослепительную улыбку в ответ.

– Ваше превосходительство? – Стройная, высокая, но фигуристая девушка в длинном, почти до земли платье зелёного шёлка, расшитом золотой нитью, накинутой поверх меховой накидке, кокетливой соломенной шляпке по последней германской моде и с крошечной жёлтой сумочкой в руках, стояла чуть сбоку, а на её сочных губах гуляла лёгкая улыбка, словно у кошки, которая наблюдала за метаниями загнанной в угол мыши.

– Чему обязан, госпожа...

– Софи Потоцкая. – Девушка, правильно поняв причину паузы, сразу же представилась: – Слушательница третьего курса Московского имперского университета. Насилу догнала вас, ваше превосходительство.

– И что же послужило причиной ваших трудностей? – Горыня едва заметно усмехнулся. Это был уже не «оценочный подход», а полноценная «медовая ловушка», правда, исполненная довольно примитивно.

Горыню, который имел немалый опыт оперативной работы в своей прошлой жизни, не раз умиляла деревенская простота нравов, царивших в этой реальности, и подход юной красотки он воспринял именно как игру детей во

взрослые игры.

– Я пишу квалификационную работу на тему «Государственное управление в предвоенный период», и мне порекомендовали обратиться к кому-то из личной канцелярии государя. А так как вы самый известный из государевых советников и самый молодой... – Софья сделала паузу и очаровательно покраснела, опустив глаза.

– И кто же, позвольте спросить, ваш рекомендатель?

Девушка подняла голову и, несмело улыбнувшись, произнесла:

– Профессор Даниил Галицкий. Он известен своей работой «Основание империи», посвящённой роли старого дворянства.

Горыня задумался на минуту. С одной стороны, исполнять за Тайную Канцелярию их обязанности было слегка лениво, а с другой, делать всё равно было нечего. Ну и, кроме того, девица Потоцкая действительно была чудо как хороша и наверняка способна скрасить пару часов. Он оглянулся и, увидев вывеску французского ресторана, кивнул.

– Тогда предлагаю зайти вот в это заведение и поговорить предметно. – Горыня сдёрнул перчатку и подал руку даме.

Как и было положено, чин Тайной Канцелярии сидел у столика в углу, попивая наверняка осточертевший кофе и перечитывая в сотый раз газету «Московский вестник». Поймав его взгляд, Горыня сделал жест ладонью, проведя рукой снизу вверх, с поднятым большим пальцем, и увидев, как тот едва заметно кивнул в ответ, подвёл Софью к столику, указанному метрдотелем, помог даме сесть и сел сам.

– Так что же вы хотели узнать, госпожа Потоцкая?

– Можно просто София, – проворковала девушка, подняла бокал, наполненный игристым вином, и сделала крошечный глоток. – А для друзей я Софи. Мне интересно всё, что касается управления, когда государство находится в крайнем напряжении сил. Ведь только тогда цена ошибки возрастает многократно и

раскрываются истинные способы управления.

– И да, и нет. – Горыня отсалютовал поднятым бокалом и сделал крошечный глоток, чтобы только освежить горло. – Всё, что нужно знать о стране – это способ воспроизводства элиты. То есть наличие альтернативных путей продвижения помимо родства и богатства. Если всё это есть, то и реакция на различные вызовы будет творческой и неожиданной для врагов. А если оно погрязло в кастовости, то и реакция будет... прогнозируемой. Ничего сложного.

– И какой же путь вы видите наилучшим?

– Тот, при котором родовитость и богатство предков не имеют никакого значения, а во главу угла ставятся личные качества.

– Но вы-то сами не из крестьян. – Софи лукаво сверкнула взглядом из-под бровей и, достав из сумочки веер, стала обмахиваться, демонстрируя тонкое запястье и изящные пальцы.

– Нет, но и моё нынешнее положение трудно объяснить даже высоким происхождением.

– Так благодаря чему вы попали в такой фавор?

– Это страшная тайна! – Горыня понизил голос и чуть придвинулся к собеседнице, нависнув над столом. – Боюсь, если вы о ней узнаете, то мне придётся увезти вас в далёкое имение, чтобы вы никому не сказали об этом.

– Так за чем же дело стало? – Девушка тоже придвинулась так, что их головы почти соприкоснулись. – Я уже сейчас готова... уехать.

«Как голос модулирует, чертовка!» Горыня улыбнулся и положил свою ладонь на руку девушки, сжимавшую тонкий шёлковый платок.

– И куда же мы уедем?

– Я знаю такое место.

На удивление, в городе, переполненном гуляющими, свободная пролётка нашлась мгновенно, и пара гнедых понесла лёгкую коляску куда-то в сторону от центра Москвы. Софи уже совсем не дичилась, а прижималась к Горыне то бедром, то грудью, поглядывая снизу с многообещающей улыбкой.

Ехали достаточно долго, чтобы покинуть центр и углубиться в переплетение узких улочек подмосковной Дубровки, где состоятельные горожане держали дачи и небольшие владения.

Двухэтажный особняк, переживший каким-то образом нашествие евроорды Наполеона, был отремонтирован и сверкал новыми окнами и свежеекрашенным фасадом.

К пролётке мгновенно подскочили две служанки в простых серых платьях и, склонившись, приветствовали хозяйку, которая величаво сошла с подножки и, коротко бросив:

– Чай в малую гостиную, – пошла вперёд, показывая Горыне дорогу.

Несмотря на качественный ремонт и дорогую мебель, в доме ещё чувствовался дух запустения и заброшенности. И в лёгком запахе плесени, и в пыли, которая была даже на стенах, и в гулком эхе шагов по отполированным пластинам паркета.

– Уф-ф. – Софи вытащила пару заколок, сняла шляпку и, помотав головой, распустила длинные, пшеничного цвета волосы по плечам. – Ещё начало травня, а уже такая жара...

– Волхвы говорят, что это лето будет особенно жарким, – произнёс Горыня, поддерживая светскую беседу и внимательно осматриваясь в комнате.

Ничего особенного в ней не было, кроме того, что весь центр совсем не маленького помещения был пустым, с толстым шёлковым ковром на полу.

С некоторых пор Горыня не доверял такому интерьеру, но здесь и без подобных подсказок было понятно, что все увеселения должны для него закончиться плохо.

– Ну что же вы стоите, мой герой. – София потянулась, словно кошка, и присела на широкий диван. – Садитесь ближе.

Как раз в этот момент две девушки в серых платьях и белых передниках почти неслышно вошли в комнату с подносами и стали быстро сервировать стол, стоявший у широкого окна. Горыня сел на диван, и сразу же ловкие пальчики стали расстёгивать мундир.

– Мы не одни...

– А! – София отмахнулась. – Они никому не расскажут и даже не захотят. Это мои люди, и они сделают всё, что я скажу. – Речь девушки постепенно ускорялась, щёки заалели, а дыхание стало частым и неглубоким, словно ей не хватало воздуха. Ладонка юркнула ниже пояса, но, наткнувшись на рукоять пистолета в кобуре, отдёргнулась.

– Ой!

– Это просто пугач против собак. – Горыня улыбнулся и слегка приобнял девушку. – Холостой патрон к тому же всего один. Неужели какая-то игрушка сможет остановить порыв смелой дочери Польши?

В ответ смелая дочь польского народа подумала и начала раздеваться прямо на диване, вызвав у Горыни мгновенный ступор. Девушки этого времени были чрезвычайно стыдливы, и даже для «медовой ловушки» Софи вела себя весьма вызывающе.

Вопреки ожиданиям Горыни, платье было сброшено в рекордное время, а точнее обнажена грудь и отвязана внешняя юбка, открывая стройные ножки до середины бедра. Рука девицы легла ему на шею, и в затуманенных похотливой поволокой глазах мелькнула злость, но отстраниться Стародубский уже не успел. Что-то царапнуло шею, и Софи отпрянула, закрывшись, словно кошка, выставленными вперёд когтями.

– Вы ведь скажете, что это было? – Горыня перехватил кусок кожи на шее рукой и крепко сдавил, чувствуя, как намокает кровью воротник.

– Тебе это не поможет. – София осторожно, боком выскользнула с дивана и стала быстро приводить себя в порядок. – Уже через час тебя вознесут на алтарь «Дикой охоты», а я получу много денег!

Боевой амулет на груди уже разогрелся так, что жёг кожу на груди, и Горыня отнял руку от шеи и резким движением стряхнул кровь с ладони.

– Вот напасть-то. – Он покачал головой и почувствовал, как натужно двигаются мышцы. – Но денег тебе, скорее всего, не видать.

– Сёстры никогда не нарушают своих обещаний! – выкрикнула София и топнула ногой.

– Я тоже. – Горыня улыбнулся. – И сейчас я обещаю, что ты умрёшь.

Он, оттолкнувшись руками от мягкой поверхности дивана, резко вскочил и, оказавшись совсем близко от Софи, резко пробил кулаком в грудь сверху вниз, разрывая внутренние органы и ломая кости. Уже лёжа на полу смятой и разорванной куклой, девушка раскрыла рот, но вместо слов на паркет выплеснулся сгусток крови, и она затихла, глядя в пространство остекленелыми глазами.

– Так. – Горыню уже шатало, но он подошёл к столу и, машинально застегнувшись, отбросил в сторону крышку графина, поднял горлышко ко рту и стал быстро пить большими глотками. В графине оказалось какое-то слабое вино, но княжичу уже было не до вкусовых изысков. Жидкость должна была помочь вывести отраву из тела, и Стародубский остановился лишь тогда, когда вино кончилось.

В комнате вдруг стало резко темнеть, и Горыня, оглянувшись на окно, подумал, что сумерки как-то подозрительно рано, после чего потерял сознание и рухнул на ковёр.

Из пустоты небытия он начал потихоньку выплывать, когда его потащили куда-то по полу, временами ударяя об углы и громко переругиваясь при этом.

– Гардольфа заплатит мне за это втройне! – Судя по голосу, молодая девушка, тащившая Горыню за руки, тяжело дышала и вполголоса переругивалась со второй, что тащила Горыню за ноги.

– Спасибо скажешь, если и своё получишь. Бросай. – Княжича отпустили, и он рухнул на пол, уже окончательно придя в себя, но всё ещё плохо контролируя своё тело.

– А по лестнице как спустить будем? Там узко... – произнесла вторая. – Может, скинем его, и пусть катится до поворота?

– Тебя потом так скинут! – ворчливо и одышливо произнесла первая. – Не приведи Всеблагий, сломает шею, и нас тогда самих заживо распнут на алтаре. Спустим уж как-нибудь. Сёстры готовят ритуал, и от них помощи не дождётся. А мешки все полумёртвые, после «Крови кардинала» и не очнутся, даже когда их начнут резать. Да и нет там взрослых. Собрали мелких тварей, где могли. Конечно, крови в них немного, зато вся – первый сорт. Я слышала, как лорд Гленн говорил Сандаре, что здесь, в подвале старый источник. Канал небольшой, но за годы простоя набрал столько энергии, что можем пробиться аж на шестой уровень. А это тебе не какая-то «Дикая охота». На шестом живут такие твари, что сожрут тут полгорода, прежде чем их упокоят. А полгорода трупов, это знаешь сколько силы. И там сколько ни соберут сёстры, нам всё одно достанется. А то мне уже пора обновлять тело, а благодати на ритуал не хватает.

Горыня попробовал пошевелить пальцами ног и с удовлетворением отметил, что подвижность возвращается. Постепенно словно всплывая из-под толщи воды, в теле проявилась ломота и боль от ушибов. Но этой боли княжич обрадовался, словно доброй приятельнице, потому что возвращение контроля над телом резко повышало его шансы выжить в этой переделке.

– Ну всё. – Первая встала. – Поднимай этого верзилу, и понесли.

– А чего мы вообще с ним возимся? – Вторая подхватила Горыню за ноги и, тяжело кряхтя, понесла его вместе с подругой по коридору.

– Так, эта, Рюрикова кровь же. Она вообще один к тысяче идёт, а у этого ещё и метка богини, и не одной. Так что он у нас фокусом поработает. Недолго,

конечно. Но говорят, очень зрелищно. Вызов из нижних планов Кромки вообще очень красивое зрелище. Сама, правда, не видала, но...

– Всё. – Вторая опять бросила ноги Горыни на пол. – Опять резерв кончился.

– Да, Сельвена. С такой скоростью мы его только к утру принесём. – Первая тоже уронила тело. – Пойду, схожу, выпрошу пару кристаллов. А ты побудь с ним. Да не вздумай играть. А то я знаю тебя.

Шаги быстро стихли, а вторая, судя по звукам, сначала попыталась устроиться на полу, а после, повздыхав, пролезла рукой Горыне под китель, туда, где располагалась пряжка ремня. Узкая ладонь довольно ловко скользнула под завязки нижних штанов и, наткнувшись на то, что называют «мужским достоинством», замерла словно пойманная мышь, а затем принялась ощупывать хозяйство Горыни.

Как ни странно, именно возбуждение, вызванное касанием ведьмы, помогло Горыне окончательно сбросить оцепенение.

Правая рука, сомкнутая в «змеиную голову», пробила Сельвене горло, а левая перехватила девичью руку у запястья и осторожно вытащила наружу.

Ведьма, одетая в простое серое платье и белый передник, с расширенными глазами ухватила себя за шею и пыталась дышать, но получалось плохо, и лицо быстро наливалось синюшной бледностью.

Не выпуская колдунью из поля зрения, Горыня встал и сначала подвигался, проверяя, как работает организм, а после, сделав несколько разминочных движений, потянулся и, вытащив из кобуры пистолет, снял с предохранителя, а запасные магазины передвинул с бока поближе к животу. К его удивлению, ведьмы даже не сняли с его пояса оружие, видимо посчитав, что очнуться он не сумеет.

– Где лестница в подвал?

– Хррр. – Ведьма наконец отпустила свою шею и, оперевшись руками в пол, с трудом поднялась.

– Малоинформативно. – Горыня покачал головой и резко ударил ребром стопы в лодыжку ведьмы, ломая кость. Живучесть у ведьм была, конечно, запредельной, но это не значило, что они не чувствовали боли.

– Аххрр. – Колдунья припала на колени и с ненавистью посмотрела снизу, вытянула руку, на которой сразу же заплясал небольшой огонёк, но княжич не стал ждать, пока это полетит в его голову, и одним ударом сломал женщине запястье.

– Повторить вопрос?

– В конце коридора – лестница, – просипела ведьма и, не удержавшись, завалилась на бок.

– Спасибо, красавица. – Горыня кивнул. – Может, и увидимся, коли живы будем.

Лестница в подвал, вопреки ожиданию, была широкой, набранной из толстых дубовых плах, почерневших от времени, и вела к такой же массивной двери, обшитой железом, да не жёстью, а проклёпанным стальным листом в полсантиметра толщиной. Как видно, прежние хозяева особняка хранили в подвале не только запас продуктов.

Сквозь щель между приоткрытой дверью и косяком был виден лишь коридор, тускло освещённый магическими светляками, и стена из красного кирпича. Потолок, вопреки ожиданию, был очень высоким, больше трёх метров, и сложен из того же кирпича арочным сводом.

Лёгкий шелест ткани заставил его отпрянуть в сторону, и, когда дверь распахнулась на площадку, перед лестницей вышла ещё одна ведьма, держа в руках два шарика размером с голубиное яйцо.

Не вступая в дискуссию, Горыня резким ударом смял противнику горло и, чуть придерживав, уложил тело на пол, отбросив шары как можно дальше в сторону.

Под постепенно стихающие хрипы прошёлся по коридору в обе стороны и, выбрав направление, быстро пошёл вперёд, держа пистолет в готовности к бою.

Двустворчатые двери в большую комнату, находящуюся прямо под парадной залой на первом этаже, были распахнуты настежь. Прямо из коридора Горыня увидел, что пол в комнате был буквально устлан обнажёнными детскими телами, а в центре, где оставалось свободное место диаметром примерно в пять метров, уже курились чаши с каким-то ведьмовским зельем, установленные в углах шестиконечной звезды. Возле каждой чаши стояло по ведьме в чёрном балахоне, а когда стоявший на четвереньках в самом центре звезды и аккуратно рисовавший знаки тонкой кисточкой, поднял голову, Горыня увидел, что это был седобородый мужчина в таком же чёрном одеянии. Колдун уже открыл рот, собираясь что-то сказать, когда княжич начал стрелять.

В пистолете было всего шесть патронов плюс патрон в стволе, но огромный калибр в пять линий, навеска из нитропороха и мягкая пуля с жидким серебром делали достаточно компактный пистолет грозным оружием даже против ведьм.

Скорость была сейчас важнее точности, и Горыня бил в корпус, оставляя огромные рваные раны в телах ведьм, которые падали, словно сломанные куклы, прямо на гексаграмму, заливая её своей кровью.

Отдача у пистолета была очень сильной и буквально сотрясала всё тело княжича, но успел что-то сделать лишь старый колдун, и последняя пуля ударила его в поднятую ладонь.

– Молодец. – Горыня кивнул, увидев, что начинка пули расплескалась по ладони, сбросил пустой магазин и мгновенно воткнул новый. – А теперь поймай вот это.

– Стой!!! – Мужчина одним движением вскочил на ноги. – Даже если я погибну, демон крови всё равно придёт. Кровь сестёр уже напитала фигуру вызова. Но только я смогу его остановить.

Горыня подошёл ближе, и в этот момент на полу зашевелились всё ещё живые ведьмы. Княжич не глядя выстрелил ещё шесть раз, не особенно целясь, и вновь перезарядив, перевёл оружие на колдуна.

– Знаешь, один мой друг всегда знал, куда нужно стрелять. Это же так важно. Знать, кто должен лечь сейчас, а кто должен выжить. Так вот тебя в списке выживших нет.

На этот раз колдун ничего не успел сделать, и его голова буквально взорвалась осколками черепа и кровавой взвесью.

Кровь ведьм уже просочилась по линиям гексаграммы, и осевшая в центр мешанина из мозгов и костей замкнула линии магической фигуры, заставив её вспыхнуть холодным голубым сиянием.

Горыня машинально сделал шаг назад и, не отрывая взгляда от разгорающегося свечения, перезарядил пистолет полным магазином.

Через минуту сияние стало настолько ярким, что весь подвал залило ярким светом, и Горыня отвёл взгляд, прикрывшись рукой, но ещё через десяток секунд свечение погасло, и от гексаграммы донёлся негромкий, но тяжёлый рык:

– Хррр.

Монстр, похожий на вставшего на задние лапы льва без гривы, но с широким поясом и длинным мечом с пилообразным лезвием в лапах оглянулся и, встретившись взглядом с Горыней, опустил оружие остриём вниз.

– Хауарген гоураа...

– Ты по-русски говори. – Горыня, не опуская пистолета, снова шагнул вперёд. – Ну или по-английски, или по-немецки. На худой конец на ханьском диалекте... А лучше всего просто молча рассказывай, откуда пришёл.

– Тогда заучем зуал? – раздался рыкающий голос создания.

– Я не звал. Это они звали. – Горыня показал пистолетом на снова начинавших шевелиться ведьм. – Они звали и, я так понимаю, хотели рассчитаться с тобой вот этими детьми.

– Мне сё рауно плата.

– Забирай этих. – Княжич равнодушно кивнул на ведьм. – И ещё в коридоре прямо отсюда лежит ещё одна, и ещё одна этажом выше. Ты понимаешь слово этаж?

- Понимаю. - Монстр с интересом посмотрел на Горыню. - Но мелких нет?

- Нет. - Горыня покачал головой. - И не проси.

- Я могу полезен. Я сильну.

- Сам справлюсь.

- Я убью тебя и заберу всех.

Демон, которого призвали колдуньи, был ростом метра три и просто бугрился мышцами. Да и страхолюдный меч в его лапах не выглядел игрушкой. Но, пока не опустел последний магазин, и пока тело готово к бою, отступить было невысказано. Чуть не полсотни детей всех возрастов, распластанные на пыльном полу, для Горыни были достойной платой за его собственную жизнь. Не опуская пистолета, Горыня перехватил его в левую руку, правой вытащив из ножен своё строптивное оружие, которое вновь показало свой непростой нрав, превращаясь прямо в руках княжича в длинный прямой меч с крестообразной рукоятью. От меча вдруг плеснуло волной такой силы и уверенности, что Горыня улыбнулся.

- Попробуй.

Минуту или чуть больше демон смотрел на меч, а придя к какому-то решению, отвёл взгляд.

- Заберу эутих. - Монстр кивнул и, не поворачиваясь, ткнул своим оружием в каждую из ведьм, превращая тела в серую пыль. - Хорошая кровь. Много силы. Мы равно. - Лёгкая рябь окутала тело монстра, и он исчез на несколько секунд, а затем вновь появился. - Ещё две хорошая. Я должен. Нужно - зови. - На этот раз демон исчез окончательно, оставив после себя лишь небольшой плоский знак, похожий на круглый жетон, но без петельки для подвеса. На поверхности серебристого металла была рельефная картинка морды чудовища и какие-то письмена по окружности.

Горыня ещё долго рассматривал бы находку, но здание вдруг трянуло так, что с потолка посыпалась пыль и кирпичная крошка.

– Вы окружены. Выходите или будете уничтожены! – донёлся громкий голос, усиленный магией.

– О! Всё-таки успели. – Горыня окинул взглядом всё ещё не шевелившихся детей и поспешил на выход.

У самых дверей особняка стояла толпа охотников, заслонившись сплошной стеной рунных щитов, а за ними выстроившиеся треугольником десятков боевых волхвов, из приказа князя Васильчикова. Многих Горыня знал лично, и его появление на лестнице вызвало у охотников и у волхвов оторопь и желание протереть глаза.

Поднимали всех в страшной спешке, и часть войск провели «Быстрыми тропами», невзирая на огромный расход силы на такие перемещения. Но у самого особняка тревожные группы наткнулись на мощный щит, накрывавший весь особняк.

Несколько попыток взломать защиту не привели к результату, и князь распорядился вызвать пушкарей, которые могли пробить купол за счёт мощи своих орудий.

Но пушки не понадобились. С мелодичным звоном бьющегося хрусталя купол распался, и охотничьи команды мгновенным рывком подскочили к дверям, чтобы увидеть выходящего из особняка генерала.

– Значит так. – Горыня поймал взгляд старшего волхва и кивнул ему. – Было девять-десять человек. Кроме одной подсадной и колдуна, все ведьмы. Все уничтожены. В подвале примерно полсотни детишек. Вроде живы, но не шевелятся. Ну и загашенный круг вызова там же. Но вполне мог кто-то остаться на других этажах, так что быть начеку.

– Ясно, господин старший советник. – Командир охотников кивнул и повёл своих людей в особняк, а Горыня, увидев стоящего вдалеке князя Васильчикова, пошёл к нему доложить и получить дежурный нагоняй.

– Я бы купил этот дом, но только если в нем нет привидений.

– Не знаю, сэр, ещё ни разу не видел здесь привидений, хотя живу в этом доме уже 800 лет.

Журнал «Панч», 1853 год

Новая забава московского общества и крупных губернских городов – спортивные клубы воинских искусств – завоевывает любовь публики. Организованные под патронатом князя Кропоткина и губернских войсковых товариществ, клубы предоставляют возможность заниматься не только улучшением боевого искусства, но и совершенствованием тела под руководством опытных учителей, прошедших специальные курсы.

Многочисленные посетители таких клубов занимаются на учебных машинах, тренирующих использование разных групп мышц, а также точность движения.

Для дам имеется специальная программа укрепления тела и самообороны без оружия с использованием различных носильных вещей и развития грации.

Но настоящей жемчужиной клубов стали роскошные бани и ристалища для воинских поединков, используемые как для дружеских встреч, так и для вполне официальных дуэлей.

Московское время. 10 травня 7361 года

Начальнику разведки группы войск «Юг», генерал-полковнику Грибоедову

Донесение

Сообщаю Вам, что в период со второго сухиня[4 - Сухинь – месяц март в славянском календаре.]по настоящее время отмечено прибытие большого количества войск в районы города Констанца, Варна и на границу с Одесской губернией. Общее количество войск оценивается в полтора-два миллиона

человек, включая тыловые подразделения и обоз. Вместе с тем отмечена низкая дисциплина прибывающих подразделений. В районах проживания местного населения участились случаи грабежей, убийств и краж, так что местное население в страхе вынуждено частью бежать, частью запирается в домах.

Командующий отдельным корпусом полевой разведки группы войск «Юг», генерал-лейтенант боярин Денис Давыдов

Парадный мундир был безнадежно испорчен, поэтому Горыне пришлось ехать в особняк Стародубских и переодеваться в запасной, которых он по совету бывалых друзей нашёл целых шесть штук. Правда, пришлось заказать у ювелира шесть копий комплекта наградных знаков, чтобы не перевешивать их с кителя на китель, а также сапог и шинелей. Но в данном случае удобство перекрывало все возможные затраты.

А в гардеробной комнате заодно был встречен Бластером и обмяукан, за то, что шлялся непонятно где. Кот ещё подросток и уже был вполне приличного размера даже для рыси, и, судя по количеству перерабатываемого мяса, останавливаться не собирался.

В комнатах сестры по-прежнему царил ураган из тряпок, людей и украшений, и Горыня, лишь мельком удостоверившись, что там всё в порядке, пошёл искать князя, который обнаружился в библиотеке, что выходила в сад и нависала балконом над роскошным кустом сирени, покрытым мелкими цветом будто снегом.

Умиротворённый и спокойный, словно будда, князь Стародубский меланхолично попивал шустовский коньяк, глядя на роскошный сад за полукруглым панорамным стеклом библиотеки.

– А... Горынюшка. – Он приветливо взмахнул рукой. – Садись. А я вот сбежал, понимаешь. От турок не бегал, от германцев не бегал, даже когда в заслоне перед армией Мюрата стояли, и то слабины не дали. А вот сейчас – сбежал.

– Эта ретирада не признак страха, а свидетельство мудрости. – Горыня присел в кресло напротив, придерживая рукой рукоять палицы. – Думаю, Машеньке так будет даже легче. А нужны будем – позовёт.

– Кстати, я там подивился на бриллианты, что ты привёз... – Григорий Николаевич покачал головой. – Я таких камней и не видел никогда. Дорого взял?

– То князь Лопухин отдался. Сказал, что за дочку его и того будет мало. – Горыня улыбнулся, вспомнив поджарого, но ещё крепкого князя, владевшего многими десятками заводов и фабрик по всей империи.

– То верно. – Князь Стародубский медленно кивнул. – Коли не ты, так все они полегли бы там. Ведьма та, как мне сказывали, дюже сильна была. Как сам-то уцелел. Не иначе как Перуновым благоволением.

– На благоволение надейся, а сам не плошай. – Княжич хмыкнул. – Ты мне, батюшка, лучше расскажи, что это к нам двоюродный дядя зачастил. То носа не показывал, а то прям каждую неделю с визитами.

– Ну, так сродственник он, хотя и дурной на всю голову. – Григорий Николаевич вздохнул. – Но причина проста. Проигрался он крупно, да и пообещал Аглаю, младшенькую дочь князя Абашидзе, за тебя выдать. А за то ему от князя Абашидзе полный выкуп векселей да долю в прииске, что на Вяче. Я уж ему сказывал, что у тебя другое на уме, но тот и слушать не хочет. Ты смотри там поосторожнее. Не вздумай с ней наедине остаться. С этих станется тебя «на пузо» взять или охаять в непотребстве с девкой да «под свирели» Родова дома загнать.

– Понял. – Горыня кивнул. – А может, стоит ему предложить за долю в имениях Стародубских денег дать? Тысяч двести дадим, а нам всё лучше. И в приданое Машеньке добавим, и вообще, хозяйство расширим.

– Двести тысяч. – Князь фыркнул и огладил длинную бороду. – Лёгкий ты насчёт денег, как я погляжу. Да там и на сотню не будет. Всё он уже взял, что можно было. А большего общинники не дадут.

– Так ему за сотню чего торговаться? – Горыня подхватил бутылку и налил себе в серебряную рюмку коньяк, плеснув на самое донышко. – В любом меняльном доме дадут. А земли его с нашими чересполосицу идут, и деревеньки людьми богатые. Вот и выходит, что подпортить он нам может сильно, а кроме нас, земли те и не нужны никому. А деньги могу и я дать. У меня уже почти

полмиллиона так и лежат в Первом Имперском, да тратить некуда.

- Ты подожди... - Князь вздохнул. - Как женишься, так каждую копейку начнёшь считать. Хотя в карты ты не игрок, обошла тебя зараза иноземная, да в гульбищах не замечен.

- У меня же всё казённое. - Горыня усмехнулся. - Вон, даже мундир, и тот за казённый кошт пошит. Можно сказать, на всём готовом. А Машеньке дать хорошее приданое, так и среди старших семей поискать партию можно. Третьего дня князь Белосельский интересовался, когда мы Марию обществу покажем. У него сын, кстати, весьма дельный офицер. Командует ротой егерей. Двадцать пять ему, а уже сотник, и у начальства на хорошем счету.

- Ты-то ещё и двадцатый год не прожил, а уже вона - генерал, - ворчливо заметил князь.

- Так и я за прачками не бегаю.

- Знаю я, за кем ты бегаешь. - Григорий Николаевич тяжело вздохнул и подвигал толстыми губами, словно проговаривая бранное слово. - Лекарки это, конечно, да. Можно сказать, вполне прилично, но когда же там у вас с царевной Анной сладится-то?

- Да ворон его знает. - Горыня повёл широкими плечами и взял в руки рюмку, что совершенно потерялась в здоровенных, словно ладони молотобойца, руках княжича. - То привечает, то не замечает. Словно собака на сене. Не ест сама и не даёт другим. Вот третьего дня княжну Курбскую от меня чуть не пинками отогнала. Скандал на всю Москву.

- Это политика, сынок. Тут скорости не будет. Заешь, поди, сколько там именитых женихов кругами ходит. Писали как-то, что даже из Испании цельный принц приезжал свататься, - спокойно ответил князь и легко коснулся своей рюмкой рюмки Горыни. - Давай, чтобы добру быть, а злобне сгнуть.

Горыня опрокинул в рот терпкий напиток и, вдохнув послевкусие, медленно выдохнул, смакуя аромат.

– А насчёт великой княжны я тебе так скажу. Хоть я и хочу внуков поскорее, да думаю, что у Машки-то быстрее всё сладится. А ты уж не торопись. Дело такое, серьёзное. Не простую девку берёшь, и даже не княжну старого рода. Царскую дочь! Понимать должен.

– Да понимать-то я понимаю... – Горыня помедлил, но потом всё же решился. – Только вот ничего я не понимаю. Подруги её, и Катя Лопухина, и Анфиса Гагарина, и Любава Туманова, и даже Лиза Дашкова, что просто тихоня, все уже хоть по разу, а косу со мной расплели. И словно так это и надо. И приветливы, и друг дружку не ревнуют...

– Хмм. – Стародубский-старший задумался. – А ведомо ли тебе, Горынюшка, что они перед Макошью – сёстры? Одна посвящение получали у Кремлёва Источника, и повязаны куда как крепче, чем, скажем, ты с Машкой.

– Откуда? – вскинулся Горыня. – Я в эти дебри вообще не лез.

– А зря! – Князь вскинул вверх указательный палец с массивным перстнем. – То знал бы, что лучше всего им вообще одного мужа на всех, чтобы круг силы не распадался. Я про то, конечно, не самый большой знаток, но кое-что рассказать могу. То вообще старинная традиция, что с самой Малуши – жены Святослава Игоревича идёт. Малуша-то и сама была ведуньей не из последних, а когда призвала своих сестёр во Макоши, войско Святослава вообще не знало поражений. Тогда и хазаров побили да рассеяли, и цареградцам наподдали, что те до Алании катились без задержки. А печенегов, что под Киев пришли, так и вовсе вырезали до последнего человека.

– Ну, со Святославом понятно. Он князем всей земли русской был. А мне-то этот хоровод зачем? Тут с одной женой бы управится, а как с пятью?

– Ну, то при случае у государя нашего спросишь. У него ведь в жёнах тоже Макошин круг. – Григорий Николаевич усмехнулся. – Когда благоволение Родово на войско накладывали, так свет аж глаза резал. Так мы после того, веришь, сотню вёрст прошагали, после в бой вступили, да ещё гнали супостатов до самой Березины. Ну а там уж и егеря вступили. Великая сила это, Макошин круг. И никак сёстрам в полную силу не войти, пока они себе мужа не найдут.

За разговорами незаметно подошло время, когда нужно было ехать во дворец. Роскошная карета лазоревого цвета с золочёным гербом Стародубских, запряжённая четвёркой вороных коней, уже ждала у входа, как и почётный конвой из шести казачков, нетерпеливо гарцевавших рядом. Горыня стоял внизу, ожидая, пока князь выведет Марию, и чуть было не прозевал появление сестры на широкой лестнице.

Одетая в бледно-голубое платье, с золотой вышивкой по краю широкой юбки, Мария не шла, а будто плыла над землёй. Сверху на плечи была накинута пелерина из тончайшего кружева, отороченного лебяжьим пухом, а на руках, шее и на венце сверкали крупные бриллианты, обрамлённые в затейливую платиновую вязь.

– Маша, боюсь, сегодня ты затмишь даже царевен. – Горыня с улыбкой отвесил поклон сестре и подал руку, чтобы она могла взойти на подножку кареты.

– А я боюсь, как бы вам с батюшкой не было стыдно за деревенскую простушку. – Мария лукаво улыбнулась и, аккуратно расправив складки платья, села на мягкое сиденье.

Кареты съезжались к Кремлю со всей Москвы, и у Спасской башни царила уже привычная суета и толкотня. Но на этот раз въезжавшие экипажи проверяли не только волхвы, но и охотники, рядом стояла полная сотня егерей, а на стенах крепости были видны усиленные караулы и торчали стволы орудий.

Всё это Горыня разглядел, выйдя из застрявшей в пробке кареты, и, покачав головой, вернулся внутрь.

– Что там, сынок?

– Усиленные патрули, сотня егерей из Алого Полка, да волхвов два десятка. Проверяют всех. Плюс на стенах не менее полка.

– Эх, а не случилось ли чего? – Многоопытный князь нахмурился. – Неспроста это, ежели даже Алых егерей подняли.

– Что случилось, то уже прошло. – Горыня небрежно взмахнул рукой. – Это так. Больше от испуга и показного рвения в службе.

– Да что случилось-то? – подала голос Мария.

– Ведьмы опять затеяли волшбу в Москве, – нехотя пояснил Горыня. – Да не вышло у них. Все там и остались.

– А ты?..

– Да просто мимо проходил. – Горыня успокаивающе улыбнулся сестре. – Знаешь же, по таким делам главный – князь Васильчиков со своими головорезами.

Карету качнуло, и, проехав буквально десяток метров, она снова встала.

– Я вот чего понять не могу. – Маша ласково улыбнулась, но голос у неё просто сочился ядом. – Как можно быть таким отважным воином, отлично разбираться в поэзии и музыке и быть таким отчаянным вруном?

– А ты хочешь, чтобы я направо и налево рассказывал о том, что составляет государственную тайну? – Горыня усмехнулся. – Ты вон батюшку расспроси, как он в Польском королевстве заработал знак Ярого в серебре с пушками.

– Горыня! – Григорий Николаевич даже руками развёл от такой подставы. – Негоже молодым девицам знать такое. А вот ты лучше расскажи нам, как в гостях у Гагариных блистал. Вот уж то история так история. – Он довольно рассмеялся. – Представь себе, Машенька, что Горыня устроил у Гагариных настоящий концерт, совершенно покоровив всех присутствующих, а княгиня, Всемила свет Игоревна, так расчувствовалась, что прилюдно расцеловала его и тут же объявила, что двери дома Гагариных всякий час открыты для Стародубских и в любой день.

– Да, для Всемилы такое совсем не свойственно. – Маша, уже давно была в курсе всех светских сплетен, что было одной из частей подготовки к выходу в общество, и о грозной ведунье была много наслышана. – Что же ты такое ей спел?

– Гагарины – семья военная. – Горыня посмотрел невидящим взглядом за оконце кареты, вспоминая тот вечер. – Даже Всемила Игоревна десять лет в войсковых волхвах отходила, за что и звание подполковника имеет вполне заслуженно, да и знаков воинской доблести немало. А уж старый князь, так тот с самим Кутузовым Берлин брал. Ну, я и спел... – Он вздохнул. – Я как стихи прочитаю, ладно?

Мне кажется порою, что солдаты,

С кровавых не пришедшие полей,

Не в землю нашу полегли когда-то,

А превратились в белых журавлей

Они до сей поры с времён тех дальних

Летят и подают нам голоса.

Не потому ль так часто и печально

Мы замолкаем, глядя в небеса[5 - «Журавли». Слова: Расул Гамзатов. Музыка: Ян Френкель.].

– Она потеряла двоих братьев в битве за Москву, – глухо произнёс Григорий Николаевич. – Слав умер у неё на руках, и даже её огромная сила не смогла спасти раненого. А Драгомир Вячеславович схоронил там отца. Так и познакомились, когда тела похоронным обозом в Москву отправляли.

Карета вновь качнулась, набирая ход, и вновь остановилась, проехав буквально сто метров.

Князь, прикрыв глаза, откинулся в удобном кресле и привычным усилием взял под контроль дыхание и погрузился в поверхностную медитацию, которая помогала ему обдумывать сложные вещи.

Горыня, воспитанный в деревне, взятый им практически с «улицы», оказался совсем непрост, что и доказали последующие события. Высочайшее воинское мастерство Горыни, редкостное даже для опытных воинов, невероятное оружие, которое уже изменило ход войны, и абсолютное бесстрашие перед тварями Кромки, никак не могло объяснить резкий взлёт до ближайшего государева

советника, тесное (куда уж теснее!) знакомство с царевной и отношение царёвых ближников – Васильчикова, Бенкендорфа, Кропоткина, Гагарина... всех не перечислить, и даже это насквозь непонятное возвышение безмерно льстило князю.

Его стали наперебой приглашать в лучшие московские дома, даже сватали дочерей, словно забыв о том, что потомства можно не ждать. И всё это благодаря Горыне, ворвавшемуся в российское высшее общество, словно ядро из осадной пушки. Нет, конечно, Стародубские – славный род и по праву записаны в Бархатные книги пяти губерний. Да и сам князь, дослужившийся до генерала, – вполне благопристойная фигура. Только вот княжеских родов на Руси больше трёх сотен, а есть ещё и боярские роды, и служилое дворянство, многие из которых в немалых чинах и с серьёзным влиянием в обществе. Так что соперничество и грызня между родами за влияние и близость к государю идёт отчаянная.

Горыня, конечно, ото всего этого весьма далёк, и не потому, что глуп, а потому, что ко всем этим игрищам испытывает глубокое отвращение. На мелкие сговоры не идёт, а любую попытку подмять его расценивает как акт агрессии. На этом уже прогорели Бельские, вздумавшие подкупить молодого генерала, подарив ему пару юных рабынь-гречанок, сведущих в искусстве наслаждений.

В тот же день гречанки были освобождены и с подарками посольским кораблём отправлены к себе на родину.

В обществе решение Горыни обсуждали весьма горячо и в итоге сошлись на том, что поступок был весьма благородный и в высшей степени достойный, несмотря на крайнюю молодость самого генерала и ходящие про него слухи.

В общем, в светские игры молодой княжич просто не лез и полностью их игнорировал, тратя время на вещи, порой совсем непонятные князю, но, видимо, важные, так как царские курьеры бывали у них в доме регулярно, так же как и посланники от Васильчикова, Бенкендорфа и Юсупова.

«Похоже, нужно строиться поближе к Кремлю», – подумал Григорий Николаевич, кивая своим мыслям. Конечно, это будет стоить немало денег, но тут уже не до экономии. Честь важнее.

Карету вновь качнуло, и она проехала почти до самой башни, где была остановлена досмотровой группой волхвов. Дверь распахнулась, и старший офицер наряда, отдав воинское приветствие, поводитил внутри истошно верещавшим и вспыхивающим алым светом поисковым амулетом и, кивнув с улыбкой Горыне, аккуратно закрыл дверцу.

- Проезжай!

- А что это у него амулет так шумел? - Маша посмотрела на Горыню, чтобы тот, как человек сведущий, пояснил ей непонятный момент.

- Это проверка на оружие и боевые артефакты, - спокойно ответил Горыня. - На мне и то, и другое, вот амулет и забренчал.

- А почему нас пропустили?

- Так кому ещё на празднике быть с оружием, как не Личной Государевой Канцелярии? - Князь рассмеялся. - Волхв, наоборот, сильно бы удивился, если б Горыня приехал без всего.

На первом этаже, где стояло огромное, в три человеческих роста, зеркало, Стародубские остановились, приводя гардероб в идеальное состояние, а Горыня, бросив короткий взгляд на Марию, в очередной раз поразился тому, насколько красота Марии была естественной.

- Что-то не так? - Маша, перехватив взгляд брата, нахмурилась.

- Всё так. - Горыня улыбнулся. - Просто восхищаюсь твоей красотой.

- А... Тогда ладно. Восхищаться можно. - Мария благодарно улыбнулась и, дав себя подхватить под руку, шагнула вместе с отцом и братом на лестницу.

- Тёмник поместной управы военного приказа, князь Стародубский с княжной Марией Стародубской и старший советник Личной Государевой Канцелярии княжич Стародубский! - громко объявил глашатай, и Стародубские вошли в зал.

Парадный Знаменный зал Большого дворца уже был полон гостями праздника. В основном высшими чиновниками империи, хотя мелькали золотые пояса купцов первой гильдии и национальные костюмы, в которых приехали выборные от губерний.

Как и было заведено с подачи князя Кропоткина ещё лет пятьдесят назад, вдоль стен зала стояли столы с лёгкой закуской, винами и сладостями для дам.

Неторопливо совершая круг по залу, князь и княжич раскланивались с знакомыми, и их представляли пока ещё незнакомым гостям, в числе которых совершенно неожиданно оказался посланник короля Франции – магистр ордена Благодати Господней граф д'Артуа. Высокий мужчина в сером сюртуке с несколько измождённым лицом, со слегка поникшей ярко-алой розой в петлице и магистерском поясе, расшитом серебром.

Французским Горыня владел не очень хорошо, но, несмотря на это, граф наговорил комплиментов, хваля произношение, а затем, перейдя к Маше, буквально осыпал её ворохом славословий. Оторваться от навязчивого француза удалось с некоторым трудом, и, перейдя в Царский зал, они вновь попали в людской водоворот, только на этот раз деловитый и осмысленный, так как все готовились к выходу императора.

Через полчаса вдруг запели горны, и под громкий крик глашатая: «Император Всея Руси Михайло Третий» высокие двери распахнулись.

Государь на этот раз был не только в сопровождении всех пяти жён, но также детей, среди которых взгляд Горыни сразу выхватил царевну Анну.

Одетая в белое платье, расшитое жемчугом, и с высоким венцом на голове, Анна держала за руку шестилетнего брата Яромила, который, судя по лицу, вообще не понимал, что он здесь делает.

Пройдя по коридору из первых лиц империи, государь занял место на троне, а жёны и дети сели рядом на одну или две ступеньки ниже, как было положено по рангу.

После началась долгая и неторопливая церемония представления всех новоприглашённых, среди которых были военные, чиновники, купцы и выборные от общин. Стародубских вызвали последними, но в отличие от всех прежних, государь вдруг попросил Марию Стародубскую с князем подойти ближе и минут десять о чём-то с ними беседовал, а после даже встал с трона и, обращаясь к князю, произнёс:

– Славный род и славные воины. Рад видеть вас, князь Стародубский, и вас, княжна, у себя в гостях. Ну, а вас, господин старший советник, прошу подойти ближе.

Горыня, подивившись такому повороту, вышел из толпы и встал перед тронном, отметив лишь, как по бокам выдвинулись двое ведунов, отсекая трон и пространство перед ним силовым пологом.

– Что же это вы, Горыня Григорьевич, лишаете наших охотников и волхвов работы? – с лёгкой улыбкой произнёс Михайло. – Вот, князь, жалуюсь вам на сына вашего. Опять учудил. Уничтожил полный круг ведьм полонских, колдуна из Германского царства, да спас от лютой смерти шестьдесят пять детей и отроков. Ведьмы те затеяли волшбу на старом источнике, про который мы сами ничего не знали, так что чудище оттуда могло вырваться невиданной мощи.

– Всегда неслухом был. – Притворно вздохнул князь. – Вот когда Машеньку скрали, так в одиночку ворвался в крепость и всю внешнюю охрану да трёх упырей перебил. Если бы не ещё пара упырей да ведьма внутри, так и вовсе зря волхвов военной управы беспокоил. А так, государь, он парень хороший. Резкий, конечно, да быстрый, так и возраст такой.

– Женить его поскорее, что ли, дабы род не пресёкся? – Государь задумчиво посмотрел на княжича.

– Так предлагал уже. – Князь вздохнул ещё более горестно и покачал головой. – И боярынь из семей родовитых, и графинь заморских, и даже княжон из старых семей.

– Неужто никто не люб? – Михайло, грозно нахмурившись, посмотрел на Горыню. – Нешто у нас в державе не найдётся невесты такому молодцу? Может, среди ханьских поискать, или вот давеча посольство маньчжурское прибыло. Так

там просто цветник юных красавиц. А? Что скажешь, Горыня Григорьевич?

– Люба мне одна девица, государь. – Горыня не отрываясь смотрел в лицо Анны, которая, тоже не опуская глаз, сидела выпрямившись в кресле, напряжённо сжимая подлокотники. – Только она и видеть меня не желает.

– Может, обидел чем? – предположил государь и посмотрел на дочь.

– Того не ведаю, но спрашивал и ответа не получил.

– Так что же? – Михайло Алексеевич задумался. – Воин справный, разумный на диво, в непотребствах не замечен, рода достойного, да и статью не обижен... – Государь повернулся к Анне. – Может, скажешь своё слово? А то ведь мне уже все уши прожужжали про сватовство с Горыней Стародубским. И Курбатовы, и Веретенниковы, и вот ещё Татищевы... Ведь правду говорят. Или забирайте молодца, или отпустите на вольное сватовство. А сдерживать отцам молодых дочерей уже никак невозможно.

– А сам-то что скажешь, княжич? – Анна, напряжённая до звона, словно струна, смотрела на Горыню так, словно хотела пробурить в нём дырку. – Не одну ведь меня берёшь. С сёстрами моими тоже объясниться должен.

– А ты-то сама знаешь, чего хочешь? – Горыня, которого уже несколько утомили эти скачки, спокойно посмотрел на Анну. – Девчонки рядом? Ну так пойдём и объяснимся по-людски. – Он перевёл взгляд на императора. – Вы позволите, государь?

– Иди, да будет дух Перуна с тобой. – Михайло вздохнул и качнул головой. И лишь когда Горыня с Анной скрылись за одной из дверей, ведущих из зала, устало посмотрел на князя. – Даст Род, слюбится там у них, да всё нам полегче.

– То так, государь, – Стародубский кивнул. – Дети на выданье и слону хребет переломят.

В комнате, украшенной цветочными корзинами и от того благоухающей густыми цветочными ароматами, тихо словно мышки сидели в креслах изящная словно статуэтка Катерина Лопухина, жёсткая и прямая будто клинок Анфиса Гагарина,

обычно весёлая, но сейчас непривычно тихая и зажатая Любава Туманова, и Лиза Дашкова, философское настроение которой не могло поколебать ничего.

Анна заняла одно из свободных кресел и кивнула Горыне.

– Ну вот. Мы здесь. Говори, что хотел.

Около минуты Горыня молчал, посматривая на девушек, и после, шагнув так, чтобы видеть их всех, коротко поклонился.

– А всё уже сказано не по одному разу. И каждой из вас, и всем вместе. К сожалению, я ничего не знал ни о Макошином круге, ни о сложностях, которые с этим связаны, но что-то такое предполагал. Уж больно смотрины у вас были... сложные. – Горыня помедлил, подбирая слова. – Что хочу сказать, кроме того. Просто не будет. Мы все разные, и если двум людям сложно подстроиться друг к другу, то одному к пяти девушкам ещё сложнее. Но если вы этого захотите, то всё сложится. Почему большая часть гармонии зависит от вас? Так вы знакомы уже много лет и между собой-то притёрлись. А я, как ни крути, человек новый. Чего там ещё от меня ожидать, кто знает? – Он сделал паузу.

– Катя. – Горыня посмотрел на Лопухину. – Я знаю, что секреты этого мира для тебя важнее, чем всё остальное. Ты роешься в старых книгах, пытаешься понять, как устроено всё, что вокруг нас. Обещаю тебе, что расскажу всё, что знаю и что не рассказывал ещё никому. И мир никогда не встанет между нами. – Княжич перевёл взгляд на Гагарину. – Анфиса. Ты человек боя и знаешь об этом не меньше меня. Но все мои знания – твои знания. Стрелковая подготовка, тактика и всё, что я знаю о войне. И никогда она не встанет между нами. – Он повернулся к Любаве Тумановой.

– Любава. Я ничем не смогу тебе помочь. То, что ты сделала смыслом своей жизни, мне вообще никак не знакомо. Но обещаю тебе все артефакты и древние вещи, которые я достану, добуду или выкуплю. И никогда и ничто не встанет между нами. А тебе, Лиза, смогу рассказать совсем немного, потому как твоё лекарское искусство намного выше, чем мои знания. Но тоже помогу, чем смогу. Хотя мои знания о ядах тебе вряд ли пригодятся.

Он повернулся к Анне.

– Анна. Ты открываешь новые источники и наделяешь силой всех ведунов. За тобой вся мощь империи, и я лишь малая песчинка в стене этой крепости. Но всё, что от меня зависит, я сделаю.

– А про любовь что-нибудь расскажешь? – негромко произнесла лукавая Любава и будто бы в смущении прикрылась кончиком платка, брошенного на плечи.

– Про любовь? – Горыня улыбнулся. – Так я и не знаю про неё ничего. А говорить о том, чего не знаешь, могут и глупцы, и политики. Но вот с каждой из вас мне было хорошо. И не только тогда, когда мы были близки. Но и когда просто гуляли, говорили. Хорошо, спокойно, и я не чувствую никого из вас как чужого человека. Могу узнать любую из вас по запаху, по звуку шагов. Знаю, что любит каждая из вас, и знаю, чего не любит. Ещё, наверное, многого не знаю, но тут всё в ваших руках.

Из комнаты он вышел уставшим, словно целый день таскал железо, и, прислонившись к прохладной стене, некоторое время приходил в себя, а когда открыл глаза, обнаружил, что метрах в пяти стоит князь Васильчиков.

– Государь просил поинтересоваться результатом, – пояснил он своё присутствие.

– Да ворон его знает. – Горыня пожал плечами. – Вроде нормально поговорили, но что они там у себя в голове решили? – Он вздохнул и отлип от стены. – Пойду, посмотрю, как там дела у отца с Машей. А то бросил их...

– Хорошо. – Князь кивнул. – Если что узнаю, пришлю человека. И... спасибо тебе за деток. Мы этих пропавших где только ни искали. А они все здесь, под боком. Охотники, кстати, тебе новое имя придумали. – Он широко улыбнулся. – Вакула Ижорский сказанул что-то вроде: «Чисто сработано, как доктор прошёл», ну и все подхватили. Теперь тебя у охотников иначе чем «доктор» не называют.

В зал Горыня вышел пусть и в глубокой задумчивости, но уже натянув на лицо маску спокойствия и уверенности, которой вовсе не испытывал, собираясь жениться сразу на пяти совсем непростых девицах. В прошлой жизни ему очень

не везло с женщинами. Относительно нормальную семью удалось создать лишь один раз, и основой её была не любовь, а взаимное уважение и внимание к интересам друг друга. Тоже немало, но нынешняя ситуация выбивала его из колеи начисто.

Из размышлений его вывел незнакомец в роскошном алом, словно женском, камзоле, расшитом золотом и жемчугом, и с золочёной парадной шпажкой на роскошном бархатном поясе старшего магистра. Незнакомец щеголял длинными седыми волосами, забранными в косицу, и имел взгляд снайпера, высматривающего цель из-под густых и косматых бровей.

– Позвольте представиться, глава посольства ордена Песочных Часов, Луи д’Альбер. – Он церемонно поклонился, придерживая рукой шляпу-треуголку, обшитую брабантским кружевом.

– Старший советник Личной Государевой Канцелярии княжич Стародубский. – Горыня в ответ коротко поклонился. – Чем обязан интересу столь могущественного ордена к своей скромной персоне, господин старший магистр?

– Вы скромны, что делает вам честь, господин старший советник. – Д’Альбер рассмеялся негромким, но приятным смехом и, доверительно взяв Горыню под локоток, повёл его к столам. – Вы так молоды, но уже занимаете столь высокое положение при троне крупнейшей мировой державы. А ещё у вас на груди столь впечатляющая коллекция военных орденов, что я просто не мог пройти мимо и не познакомиться со столь блестящим представителем молодого поколения России. Старики, увы и ах, косны и недальновидны, а вот молодёжь, наоборот, устремлена в будущее. Ей открыты все тайны мира, и для них нет ничего невозможного. Именно молодёжь двигает вперёд человечество.

– Молодёжь, не стоящая на плечах стариков, мало что стоит. – Горыня улыбнулся простоте нравов посла. Вот так вот, среди толпы прихлебателей и наблюдателей, подбивать клинья к чиновнику высокого ранга...

– О! Прекрасно сказано! – Д’Альбер широко улыбнулся. – Что ж, вижу, что слухи о вашем уме ничуть не преувеличивали. Позволено ли будет мне поинтересоваться, какое образование вы собираетесь получить? Если философское или инженерное, могу порекомендовать несколько превосходных учебных заведений, где есть все возможности для совершенствования столь

яркого таланта, как ваш.

– Заведения, конечно же, европейские? – Горыня усмехнулся.

– Но ведь всем известно, что философская школа Европы сильнейшая в мире! А европейские инженеры приняты ко дворам всех просвещённых правителей! – воскликнул дипломат, останавливаясь возле стола с винами и закусками.

– Философия... – Горыня покачал головой, глядя, как ловко д'Альбер разливает вино в два бокала, и, отрицательно кивнув, взял чашу и наполнил её прозрачным словно слеза берёзовым соком. – Философия – просто набор инструментов, позволяющий размышлять и делать выводы. А в любом инструменте важнее не качество оно, а способности того, кто им владеет. Это, конечно, важно и в любых других видах человеческой деятельности, но в философии – фактор личности наибольший. Итак, что же получается? Любая философская кафедра это всего лишь способ привлечения и приручения людей умных от природы, чтобы по возможности использовать их в своих целях, либо для обеспечения невозможности их использования другими. И если от отъезда толкового инженера вреда будет немного, инженеру нужны и станки, и общий уровень материальной культуры, и соответствующая интеллектуальная поддержка, то с философом всё проще. Бумага, карандаш, дом с красивым садом, и женщина, которая за всем этим будет следить. А в результате – новые пути развития цивилизации или ещё что-нибудь столь же разрушительное. Ваше здоровье. – Горыня поднял чашу и в несколько длинных глотков осушил её. – И возвращаясь к вашему предложению. Инструменты познания широко известны, а садиков с домами и покладистых женщин полно в любой точке мира. Так что Европа в этом смысле ничем не выделяется.

– А общение с себе подобными? – не сдавался д'Альбер. – Окружение – это тоже очень значимый фактор.

– Тогда почему все великие философы одиноки и предпочитают общаться письмами? – Горыня улыбнулся. – И кстати, это справедливо для всех стран, кроме России. Только здесь при ведовских школах действуют центры обмена знаниями, что очень помогает именно в научных исследованиях. Вон там, у выхода в танцевальный зал, видите? Великий Михайло Ломоносов беседует с группой молодых людей, среди которых и военные, и ведуны, и выборные от общин. А ваши философы делятся знаниями с крестьянами?

– Но вы забыли ещё один очень важный момент. – Д’Альбер отпил крошечный глоток из своего бокала и, видимо найдя вино вполне годным, приложился уже куда основательнее. – Императорская стипендия для учёных весьма велика...

– Я достаточно обеспеченный человек, чтобы не думать о хлебе насущном, – отмахнулся Горыня.

– Так что же вам надо? – Дипломат внимательно посмотрел в глаза Горыне.

– А у меня всё есть. – Горыня также прямо посмотрел на д’Альбера. – Слава, женщины, деньги, всё это у меня есть, или будет, в любом количестве, только протяни руку. Но самое главное, у меня есть дело. Важное. Огромное. Интересное, до дрожи в кулаках, и бесконечное, как само время. Дело, которое возвышает мою честь и даёт смысл жизни. – Он улыбнулся. – Защищать, строить и делать лучше мою страну. А всё, что вы можете мне предложить, это быть чужаком за тридцать сребреников и утешать себя мыслью о том, какой ты умный и как ловко ты выбрал другую родину.

– О! Вы знакомы с Книгой? – Д’Альбер, никак не отреагировав на последний выпад Горыни, поставил на стол уже пустой бокал.

– Я вообще начитанный мальчик. – Горыня без улыбки посмотрел в лицо д’Альбера. – Знаком и с Кодексом Гермеса Трисмегиста, Молотом Ведьм и многими другими трудами. И все они убеждают меня в том, что я принял и осуществляю правильное решение.

– Что ж. – Д’Альбер вновь наполнил бокал и с улыбкой кивнул. – Я вижу похвально твёрдого в убеждениях молодого человека, прекрасной учёности и широких взглядов. Могу лишь пожелать вам удачи во всех начинаниях. – Он поднял бокал, салютуя, и, отпив пару глотков, с поклоном удалился, освобождая сцену для ещё одного действующего лица.

Это был мужчина лет тридцати, черноволосый, смуглый, одетый в чёрное с фиолетовым, гордо брякающий вполне боевой шпагой на поясе.

– Имею ли я честь беседовать с принцем Горыней Стародубским? – произнёс он на вполне понятном английском.

– Да, милорд. Но в данном случае был бы скорее уместен титул маркиз, так как ближайший аналог князя – герцог, а я старший сын. – Горыня учтиво поклонился.

– Я герцог Арко, Филипп Луис де ла Куэва, де ла Мина, требую у вас сатисфакции за оскорбление, нанесённое Британской короне.

«Ну, хоть какое-то развлечение». – Горыня кивнул скорее своим мыслям, чем словам горячего испанца, и задумчиво оглянулся. К стыду своему, дуэльного кодекса он не знал совершенно, хотя дуэли в московском обществе периодически случались. К своей удаче, совсем рядом он увидел оживлённо беседующих князей Суворова и Пушкина и, шагнув к ним, остановился, ожидая, пока беседующие обратят на него внимание.

– А, княжич! – Александр Сергеевич, улыбнувшись Горыне, словно старому знакомому, отставил бокал в сторону и крепко пожал ему руку. – Вот, Александр Васильевич, хочу рекомендовать вам сего весьма молодого, но очень перспективного юношу.

– Перун, Ярый, да и прочая, прочая, прочая. – Суворов довольно рассмеялся и хлопнул сухой, но неожиданно тяжёлой рукой по плечу Горыни. – Вижу, не в штабах отирался! Молодец! – Говорил Александр Васильевич быстро, словно торопился, широко жестикулировал руками, двигался из стороны в сторону, словно сбивая прицел снайперу, но взгляд был сосредоточенный, внимательный и взвешивающий. – Но ведь не для разговора пришёл, не для разговора. Вижу, нужда какая-то?

– Да вон, испанец стоит. Требует дуэли. А я ни кодекса дуэльного не знаю, ни правил. Пристрелить бы его, чтобы не мучился, но как-то неловко. Всё же издалека ехал...

– Вот молодец! – Суворов расхохотался и вновь хлопнул ладонью по плечу Горыни. – Слышь, Сашка. Весь в тебя. – Александр Васильевич посмотрел на княжича. – Тоже по молодости любил подраться на дуэлях. Но после того как ему ногу прострелили, как завязал. – Суворов в пару быстрых шагов подскочил к испанскому дворянину и, перейдя на испанский язык, стал быстро что-то выяснять, временами похохатывая, словно тот рассказывал ему смешную историю. Тем временем генерал Пушкин, обращаясь к Горыне, негромко произнёс:

– Может статься, что идея пристрелить этого гишпанца была не такой уж плохой. – И пояснил, видя удивление Горыни: – Это известный в Европе бретёр, наёмный дуэлянт и мастер дестрезы[6 - Дестреза – испанская школа фехтования, предполагающая не только владение двумя руками, но и круговые перемещения, основанные на биомеханике человека.]. Ученик самого Антонио де Брея[7 - Мануэль Антонио ла Брея – знаменитый мастер дестрезы, написавший трактат «Principios universales y reglas generales de la verdadera destreza del espadin segun la doctrina mixta de francesa, italiana y espa?ola, dispuestos para instruccion de los caballeros seminaristas del real seminario de nobles de esta corte» (1805).]. Вы знаете, что такое дестреза?

– Знаю, – спокойно ответил Горыня. – Хорошая школа двуручного боя, с элементами акробатики. Но у меня тоже были достойные учителя.

– Ну вот. Почти договорился. – Суворов с улыбкой вернулся к Горыне и Александру Сергеевичу, подхватил свой бокал и сделал большой глоток, словно у него пересохло горло. – Биться будете завтра, в Перуновом дворике, что у Рогожской заставы. Время – сразу после утренних свирелей. Поскольку это он тебя вызвал – оружие на твой выбор. Но меч брать не советую. – Суворов с улыбкой посмотрел на Горыню. – Пока ты им размахнёшься, он уже наделает в тебе сотню дырок.

– Да у меня и шпаги-то нет. – Княжич покачал головой и, одним движением выдернув из ножен свою палку, с некоторым удивлением смотрел, как она удлиняется, превращаясь в нечто похожее на трость.

– Ну-ка? – Александр Васильевич нагнулся и внимательно посмотрел на оружие Горыни. – Никак Святогорова Палица?

– Да вообще нечто непонятное, – хмуро произнёс Горыня. – Ведёт себя как хочет. То притворяется простой палкой, то режет всё словно масло. Да справлюсь я с этим испанцем, господин неведник[8 - Неведник – маршальский титул в этой реальности.]. Вы мне лучше вот что скажите. Нам такой специалист нужен, или можно прибить?

– Хм-м. – Суворов задумался. – С одной стороны, наши мастера ничуть не хуже. И порубежники, и из ханьцев, и наши мечники. А с другой – было бы неплохо. Новая школа, новый взгляд, новые техники...

– Тогда, господин неведник, объявите этому кренделю заморскому, что мой выбор шпага против шпаги. И если я побеждаю, то служить ему учителем двадцать лет. А если нет, то я выбираю пистолеты, и пусть ищет себе место на кладбище.

3

У всякого Серого Волка свой интерес... Одних волнуют тела прекрасных странниц, других – пирожки в их корзинках, а кому-то просто нужен хороший попутчик...

Приписывается государю-императору Михайло Третьему

Взрыв и пожар на фабрике оберегов купца второй гильдии Оборина неожиданно порадовал москвичей невиданным ранее зрелищем радужного сияния в небе и вспышек всех цветов, а также переливов света, какие бывают лишь на севере и зовутся северным сиянием или от волшбы великой. Здесь же горящие амулеты разных видов образовали такое же невиданное зрелище, стоящее, однако, целое состояние.

Вызванные по тревоге ведуны охранительной стражи быстро справились с бедствием, но зданию фабрики и складам нанесён огромный урон.

К счастью, всё имущество было застраховано в конторе боярыни Гу Янлинь, которая пообещала выплатить положенное в кратчайшие сроки, после завершения расследования.

Конфуз графа Губатова на балу у Долгоруких, когда граф, не совладав с медовухой, стал оказывать чрезмерные знаки внимания хозяйке дома, закончился вполне предсказуемо, вызовом на дуэль от хозяина дома – князя Долгорукова.

Похороны графа состоятся в среду, в Доме Мары, что у Сокольничьей заставы.

«Московские ведомости», 12 травня 7361 года

Мария, блиставшая на балу, князь Стародубский, разрывавшийся между гордостью за детей и опасениями перед дуэлью, многочисленные разговоры знакомых и не очень знакомых людей, дававших какие-то советы, всё это промелькнуло перед Горыней, словно кино на ускоренной перемотке. Не особо напрягаясь, он лёг спать и проснулся наутро бодрый и готовый к подвигам. Для поединка выбрал удобный, чуть широковатый костюм, а шпагу ему должны были привезти к самой заставе секунданты, которыми, как ни странно, оказались сам князь Суворов и князь Пушкин. И это волновало Горыню больше всего. Не облажаться перед двумя такими людьми. Отец молча благословил Горыню и хмурый, словно грозовая туча, ушёл к себе в кабинет, а княжич покотил к месту дуэли в сопровождении Александра Сергеевича, который всю дорогу не останавливаясь сыпал анекдотами и смешными историями, отчего у Горыни скоро чуть не приключился нервный тик на почве непрерывного смеха.

Когда они вышли из коляски, другая сторона была уже на месте, как и доктор Глебов, которого пригласил лично Суворов. Иван Тимофеевич Глебов заведовал кафедрой в Московской лекарской высшей школе и, по слухам, лучше него не было целителя по всей Москве.

Дуэлянтов осмотрели волхвы из Военного приказа и колдун из посольства ордена Песочных Часов, после чего внесли в протокол запись о том, что боевые, защитные и иные амулеты отсутствуют, как нет и следов применения стимулирующих зелий.

– Вот держи. – Суворов протянул Горыне шпагу в потёртых ножнах с простой чашеобразной гардой. – Не одну кампанию с ней прошёл. Вакула Тамбовский лично ковал. Это тебе не штатная шпажка.

– Благодарствую, Александр Васильевич. – Горыня с поклоном принял оружие и, сдёрнув ножны, оценил баланс и гибкость клинка. Шпага была чуть тяжелее, чем он привык, но отменно сбалансирована и остра, словно бритва.

Аккуратно сняв китель и отдав Пушкину, Горыня остался в рубашке и штанах.

Наконец секунданты, судья и доктор договорились, и судивший поединок военный атташе германского посольства взмахнул платком, привлекая внимание дуэлянтов.

– Поединок назначен по вызову герцога Арко, Филиппа Луиса де ла Куэва, де ла Мина, и принят княжичем Стародубским. Бой идёт до смерти одного из участников. Перед поединком хочу спросить, не желают ли они разрешить происшествие миром? Нет? Тогда сходитесь, господа.

Разведка боем у испанца была резвой и резкой. Чуть смещаясь из стороны в сторону, он атаковал с разных направлений, пока ещё не в полную силу, но вполне твёрдо. Горыня, который мог двигаться как минимум втрое быстрее, пока отвечал скупно, надеясь подловить нахального бретёра так, чтобы не зарезать того насмерть, но мастер дестрезы держался на приличной дистанции, готовый в любой момент отпрянуть назад, а выкладываться в длинном выпаде было опасно.

Наконец, немного осмелев, Арко резко ушёл в сторону и, качнувшись вперёд в имитации длинного выпада, пробил Горыне по опорной ноге, целясь ниже колена.

В ответ княжич чуть присел и, отдёргнув атакуемую ногу назад, резко ударил левой снизу вверх, но в долю секунды чуть наклонился вперёд, выигрывая драгоценные сантиметры, и чётко, словно на тренировке, пробил стопой в лицо испанцу.

От удара того бросило назад, и, почти потеряв сознание, герцог рухнул на спину, но даже в таком состоянии смог быстро подняться и встать в защитную стойку.

Уважая принципы дуэли, Горыня остановился, давая противнику прийти в себя, хотя совсем не был уверен, что Арко поступил бы так же в этой ситуации. Через пятнадцать секунд испанец кивнул, дав понять, что он готов к продолжению, и пару раз взмахнул шпагой.

Теперь герцог был предельно осторожен. Держался на дистанции, всё время пытаясь поставить Горыню в неудобную позицию для защиты. Но в какой-то момент, взвинтив темп, пошёл в атаку и, ткнув шпагой вперёд, щёлкнул чем-то на рукояти. Голубоватое облако, вылетевшее откуда-то из гарды, мгновенно

преодолело расстояние до княжича, и, несмотря на то что он успел отпрянуть назад, коснулось лица и осело на рубахе.

Судья что-то крикнул на испанском, закричали и секунданты поединка, но перед лицом Горыни уже стояла ровная белая пелена, словно он плавал в молоке. Времени на размышления не оставалось совсем, и, почувствовав каким-то верхним чутьём, что противник пошёл на сближение, сам рванул вперёд.

Шпага испанца пробила плечо, но выдернуть клинок из раны Горыня не дал. Запах чужого тела и пыльных тряпок был уже совсем близко, и княжич ударил гардой примерно на уровне головы противника, рукой почувствовав, как хрустят сминаемые кости, и горячую кровь, брызнувшую прямо на него. И ставя точку в поединке, захватил голову противника левой рукой, коротким движением свернул ему шею, после чего мир померк окончательно.

Князь Бенкендорф, руководивший Тайной Канцелярией, стоял перед Михайло Третьим, словно провинившийся школьник, что очень-очень ему не нравилось, но дела были таковы, что канцелярия и вправду допустила весьма болезненный провал, который ещё скажется в полную силу. Выговор государя был мягким, почти семейным, и вовсе не походил на выволочку, но от этого не становился менее болезненным, поскольку вопросы Михайло били, что называется, не в бровь, а в глаз.

– И кому же пришло в голову разыгрывать сотрудника моей личной канцелярии в столь тупых комбинациях? – Михайло сидел в кресле за столом, заваленным бумагами и папками, а перед ним стоял массивный письменный прибор, оцетинившийся карандашами и ручками-самописками, и оттого Бенкендорфу всё время чудилось, что Михайло прицеливается в него. – А знаете, сколько военных разработок ведёт этот юный генерал? Семнадцать! Он делает новую взрывчатку, дальнесвязь, пушки и даже систему городского освещения, поскольку к каждому перекрёстку волхва-фонарщика не приставишь. И он делал бы ещё больше, только вот казна у нас не бездонная. Приходится ограничивать его желания нашими возможностями. И вот этот человек, по сути, второй Кропоткин, идёт на дуэль с каким-то проходимцем, при полном потворстве вашей, князь, службы. Горыня Григорьевич, конечно, воин каких мало, что и подтверждает результат дуэли, но вы-то! Как вы могли допустить подобное? Не знай я вас больше тридцати лет, подумал, чего плохого, например, что вы решили таким образом изменить расстановку при дворе. И всё это в преддверии

грядущей войны! Больше двух миллионов солдат собирается против нас только на южном направлении, а сколько будет на северном фронте Род знает! Да вам охранять его нужно словно зеницу ока!

– Государь, восемь моих сотрудников ходят за ним неотступно. Именно они вовремя вызвали подкрепление и обеспечили прибытие дополнительных сил к дому, где ведьмы собрались провести свой ритуал.

– Что не помешало им пропустить всё основное действие, – едко прокомментировал государь. – Ну и где же были ваши люди, когда этот гишпанец вызывал на дуэль княжича Стародубского?

– Дуэль между дворянами – дело чести каждого из них, – твёрдо ответил Бенкендорф. – Они просто не могли вмешаться.

– Они были обязаны! Слышите? Обязаны! – Государь, несмотря на спокойный тон, явно начинал терять контроль. – Представьте, что было бы с вами, князь, если бы Горыня погиб? Я бы просто не смог остановить Анну и её сестёр во Макоши.

«А вот это довод, – подумал Бенкендорф, и его пробил холодный пот. – Анна тогда точно прокляла бы всех причастных и просто стоявших рядом. Проклятие берегини это верная смерть. Верная и тяжёлая. А проклятие Круга Макоши страшнее стократно».

Михайло Третий тяжело вздохнул и повернулся в сторону окна, за которым шумел свежей весенней листвой ухоженный дворцовый парк.

– Я с ним, конечно, поговорю и объясню, что ему теперь можно делать, а что нельзя ни при каких условиях. Но и вы, Александр Христофорович, не зевайте. Молодец резкий да быстрый, но нам очень нужный со всех сторон. За ним ни кланов, ни обязательств, ни долгов. Зато ума – палата. И с оружием новым подсобил, и со многим другим. Так что берегите его. Это, в конце концов, и в ваших интересах.

Из кабинета государя Бенкендорф вышел в чрезвычайно растрёпанных чувствах и только успел подумать, что всё хорошо закончилось, когда увидел стоявшую рядом княжну Анну.

– Александр Христофорович? – произнесла девушка мелодичным голосом, в котором для князя отчего-то слышались звуки набатного колокола. – Не будете ли вы так любезны и не уделите мне полчаса вашего внимания?

– Да, великая княжна. – Глава Тайной Канцелярии, от имени которого содрогались даже сильные мира сего, обречённо кивнул и, слегка сутулясь, пошёл за такой хрупкой и внешне совсем беззащитной девушкой.

На этот раз Горыня очнулся совсем не в лучшем состоянии. Тело ломило и крутило, словно по нему прошёлся взвод гренадёров, а во рту образовалась такая сухость, что горло нещадно драло от боли. Но стоило ему открыть глаза, как на лоб легла лёгкая узкая ладонь, и под негромкий, плохо различимый шёпот боль и спазмы стали уходить. Потом в приоткрытый рот полилась такая восхитительно прохладная и чуть солоноватая влага, он вновь отключился и не слышал, как тихо приоткрылась дверь и в комнату, едва слышно шурша юбкой, вошла Анна.

– Как он?

Лиза Дашкова, сидевшая у постели раненого всё время и выходявшая, лишь чтобы привести себя в порядок и немного поспать, сделала предупредительный жест рукой и произнесла шёпотом:

– Заснул. – Затем поднялась со стула и, выйдя в смежную комнату, тяжело прислонилась к стене.

– Э, а давай-ка, Лизонька, ты сейчас пойдёшь и поспишь хотя бы до завтрашнего утра. – И гася возможные отговорки, Анна жёстко добавила: – Я сейчас вызову дворцового лекаря и пригоню сюда хоть полсотни травниц. Всё самое плохое уже миновало, так что к его пробуждению ты должна сиять, как золотая гривна с монетного двора. А то представляешь, что он увидит? Замученную, высохшую и потрёпанную девицу, которая к тому же должна стать его женой!

Выпроводив Лизу, Анна снова вошла в комнату, где лежал Горыня, и присела на стул, долго смотря в его лицо, на котором даже в забытьи были плотно сжаты губы.

Она что-то тихо зашептала, коснулась губами лба раненого, затем потёрла ладони и раскрыла сжатые кулачки прямо над княжичем, и из них словно огоньки просыпалось светящееся облако искристой пыли, которая мгновенно впиталась в тело. Лицо сразу разгладилось, Горыня как-то обмяк и, глубоко вздохнув, повернулся на бок, засунув кулак под подушку.

На следующее утро княжича разбудил звук девичьих голосов, журчавших словно ручей, прямо у кровати. Раскрыв глаза, он чуть приподнял голову и увидел, что лежит на огромной кровати, что в ширину была значительно больше, чем в длину, а сама кровать стоит в большой светлой комнате, с расписными стенами и большим столом в центре, накрытым белой скатертью. От серебряного чайного набора по скатерти разбегались мелкие солнечные зайчики, а над чашками едва заметно вставал парок. Как раз за чаем и сидели пять девиц, негромко что-то обсуждавших. А прислушавшись, Горыня понял, что обсуждают они не что, а кого, а именно его.

– Всё равно будет влезать в разные переделки, – припечатала Анфиса Гагарина. – Я эту породу знаю. У меня и батюшка и три брата старших. Так постоянно кто-то лекарем пользуется, а то и все вместе. – Она негромко фыркнула.

– Да, согласна. Нрав у Горынюшки, конечно, спокойный, но это вовсе не мешает ему участвовать в крайне сомнительных предприятиях. – Катерина Лопухина вздохнула. – А он настоящая шкатулка с секретами. Мне тут от Кропоткина привезли пластину, что не плавится в огне горячей кузни. Не плавится, но и не становится хуже. Хвастается, змей подколодный. А мне бы весьма пригодился сей рецепт. Вон, Любаве никак посох-начертатель драконьего призыва сделать не могу. Горит всё, словно бумага.

Любава, сидевшая напротив Анны, лишь сосредоточенно кивнула, подтверждая слова Кати, и, вопреки своему обычному поведению, молча уткнулась глазами в чашку.

– Ну, не всё так плохо, сударыни. – Лиза Дашкова улыбнулась и обвела присутствующих взглядом. – На Горыне печать нашей Пресветлой Госпожи Макоши и, кстати, метка самой Мары. Так что убить его совсем непросто, хотя, конечно, возможно. Но про печать совсем немногие знают, так что клинок, что

был у того бретёра-гишпанца, не только стрелял отравленным облаком ослепляющего зелья, но и сам был смазан ядом Борджиа[9 - Яд Борджиа – смесь ядовитых солей и токсичных веществ, не имеющая ни запаха, ни вкуса.]. Весьма действенная смесь, но к счастью, не для нашего героя. Обычный человек скончался бы, несмотря на все усилия врачей, а этот вон, лежит себе, подслушивает... – И, обращаясь уже к Горыне, добавила: – Вставайте, Горыня Григорьевич. Я знаю, что вы уже проснулись и чувствуете себя хорошо.

– Ну, если мне дадут одеться...

– Уж чего мы там не видели-то? – Анфиса притворно всплеснула руками, но Анна, тронув колокольчик на столе, не оборачиваясь на вошедшую прислугу, бросила: «Одежду княжичу». Затем словно сговорившись, девушки одновременно встали и вышли из комнаты, дав Горыне возможность нормально встать и одеться в чёрный повседневный мундир Государевой Канцелярии.

Чего было не отнять у местной медицины, так это скорости восстановления. По сути, никакого послекризисного состояния и долгого лежания в постели. Лекарь держал раненого или больного в состоянии сна всё время лечения и поднимал его лишь тогда, когда пациент был полностью здоров. Так что Горыню не шатало, и двигался он вполне бодро, и, когда вошёл в комнату, где сидели девушки, был вполне готов к разговору.

Но к тому, что его встретят натуральной головомойкой, обвинив за пару минут во всех грехах, готов, конечно, не был. Говорила только Анна, а остальные девушки лишь изображали согласие с её позицией, и когда княжна выдохлась, озвучив последний пункт требований – перевод в Академию наук, Горыня улыбнулся всем пятерым и только сейчас присел в полукресло, стоявшее рядом.

– Пункт первый. Да, мы в общем не чужие друг другу люди, но это не повод устраивать подобный разнос. Пункт второй. Если вы хотите спокойного и покладистого мужа, то искать нужно где-то в другом месте. Ну и третье. Человек, который посоветовал вам устроить подобный спектакль, вам не друг, а как раз наоборот – злейший враг. Потому что сама перспектива вести под венец сразу пятерых меня вообще не прельщает, а даже слегка пугает. И чтобы у вас в голове не закралось никакой шальной мысли, могу прямо сейчас пойти к государю и положить на стол прошение об отставке. Поеду в Южное войско десятником, чего мне никто запретить не сможет. Вы реально думаете, что положение в обществе, звания и награды что-то для меня стоят? Да я в могиле

видал ваши светские игрища. И на этом жизнеутверждающем аккорде позвольте откланяться.

Он встал и, найдя глазами Лизу, поклонился.

- Лизавета Михайловна. От всего сердца благодарю за лечение и заботу.

После чего поклонился уже всем и вышел в коридор.

Когда стихли звуки его шагов, Анфиса тяжело вздохнула и, потерев кончик косы, задумчиво произнесла:

- Ну, теперь у нас только два выхода. Или мы его ведём под венец, или он нас.

- И вот какого змия мы тут ему устроили? - Катя вздохнула. - Не зря мамка моя говорит, что от мужика только лаской и улыбкой что-нибудь добиться можно.

Идущего по коридору Горыню перехватил князь Васильчиков, к которому Стародубский испытывал глубочайшее уважение, и, лишь взглянув в лицо княжича, потащил его куда-то в переплетение дворцовых комнат и переходов.

Пройдя через два поста охраны, они поднялись по узкой металлической лестнице и оказались в небольшой прихожей, устланной толстым ковром, откуда вели сразу шесть дверей.

- Покои государынь, - спокойно пояснил князь Васильчиков и уверенно толкнул крайнюю левую дверь, за которой оказалась большая и очень светлая гостиная, с высоким резным потолком, ростовыми окнами, зеркалами и мягкой мебелью. - А это семейная гостиная. - Он точно так же спокойно провёл Горыню через комнату и аккуратно стукнулся в дверь, покрытую белым лаком.

- Входите! - Голос Михайло не узнать было невозможно, и Горыня машинально одёрнул мундир.

- Государь. - Княжич, остановившись в дверях, замер, сделал шаг вперёд и коротко поклонился.

В этом кабинете он ещё ни разу не был, несмотря на то что входил в ближнюю свиту царя. Комната была небольшой, примерно шесть на шесть метров, с массивным столом из тёмного дерева по центру, высокими книжными шкафами вдоль стен и огромным метровым глобусом в углу. Михайло Алексеевич сидел за столом в одной рубашке и, подслеповато щурясь, затачивал карандаш коротким засапожным ножом.

– Проходи, Горыня Григорьевич, не чинись, и не тянись. – Михайло аккуратно поставил карандаш в стаканчик острием вверх и негромко рассмеялся. – Можно сказать, мы с тобой родственники. Были вот дальними, а теперь и ближними будем.

– Это после всего, что они там мне наговорили? – Горыня с сомнением посмотрел на государя.

– Наговорили! – Михайло фыркнул. – Мои, вон, бывает, и кричат на меня. Да вот только ни у тебя, ни у них особо выбирать-то не из чего. – Самодержец огромной империи сдвинул руками документы, с которыми работал, в сторону и, достав откуда-то снизу бутылку и три бокала на высокой ножке, ловко наполнил их густым красным вином. – У них выбора нет, так как мало того, что ты Рюрикова кровь, да ещё отмечен Макошью, да и сила в тебе большая. Источник ваш, в имени, где ты посвящение проходил, уже по первому разряду числится, да так, что ко мне уже из Китежа подкатывали, просили отписать для волхвических нужд. Да и рода хорошего. А это тоже, как сам понимаешь, важно. Ну и последнее по списку, но не по значению то, что тебя приняли все Анюткины сёстры во Макоши. А придётся по сердцу сразу пяти разным девицам... это, сам понимаешь, непросто.

Горыня взял поданный ему бокал и, отпив небольшой глоток, поразился глубине вкуса благородного напитка.

– Ну а мне-то эта канитель зачем? – Он посмотрел на государя. – Живу себе спокойно, никого не трогаю... ну почти. А если они решат, что клевать мне мозги это вообще замечательная идея? Вы меня простите, государь, но у меня и других забот хватает. И война в доме мне совсем не нужна. Сначала подумал, что они вроде нормальные девицы и можно будет с ними как-то договориться, а сейчас понимаю – дурацкая была затея. Лучше я до седых волос буду бегать к лекаркам, чем воевать и дома и на службе.

Михайло Третий нахмурился, побелел, поставил бокал на стол и, подняв пронзительный взгляд на Горыню, звенящим от напряжения голосом произнёс:

- Не девку себе на ночь выбираешь. Анна - царских кровей!

- Царская кровь - это, конечно, очень важно и нужно. - Горыня поставил бокал на край стола и кивнул. - Да вот только жизнь эта - моя. И почему это я должен все оставшиеся годы мириться с их склоками и руганью? Я мало делаю для державы? Сплю по шесть часов в день. Бумаги извожу, как канцелярия, подковы коню своему меняю чуть не раз в три месяца, мундир, вон, порохом пропах так, что не отстирывается. Что ещё я должен положить на этот жертвенник?

- Подожди, Горыня. - Князь Васильчиков коснулся руки княжича и пристально посмотрел на царя. - Государь не то хотел сказать. Правда, Михайло Алексеевич?

Государь отвернулся и, помолчав несколько минут, видимо справляясь с гневом, нехотя кивнул.

- Правда твоя, князь. Не то. Сейчас мои жёны как раз беседуют с Анькой и её подругами. Хвосты им накручивают, чтобы не виляли лишку. Но и ты с пониманием быть должен. Круг Макошин это огромная сила. Огромная, и для нас, для всей империи очень важная. И как бы не важнее, чем всё, что ты делаешь и ещё сделаешь. Анька ведь не просто Открывающая. В девочке дар великий, открывать новые источники, а каждый источник это как глоток воды в жаркий день. И источники, они ведь как люди. Тоже болеют, чахнут и пропадают без следа. И без Открывающих никак не справиться. А силу ей даёт круг сестёр. А сила круга она и в муже, что с ними. За полгода, что ты рядом с девчонками, Аня подняла вдвое больше источников, чем все три московских Круга, вместе взятых. Даже забытый «Кузнецкий колодец» оживила. А над ним не один десяток волхвов бился. - Государь снова замолчал, глядя невидящим взором куда-то вдаль. - И если спросить, где ты нужнее, рядом с Анной или на фабриках князя Кропоткина, то скажу тебе точно. То, что делает моя дочь - нужнее во сто крат.

- Ладно, государь. - Горыня кивнул. - Надо так надо. Не скажу, что мне нравится вся эта история, но...

– Без но. – Михайло хлопнул ладонью по столу так, что бокал подпрыгнул, недовольно звякнув. – Через две недели – пойдёшь под венец и свирели в Родов дом. Для жилья вам отдаю Владимирский дворец, что за Родовым подворьем, у Перуновой башни. Там и вам и охране будет просторно, заодно и библиотека дворцовая рядом.

– Да, без библиотеки никак, – задумчиво произнёс Горыня. – Кстати о книгах. Эдуард Иванович уже убыл в Тавриду?

– А при чём тут Тотлебен[10 - Тотлебен – русский генерал, знаменитый военный инженер, инженер-генерал (1869).]? – Михайло подозрительно посмотрел на княжича.

– А при том, что при всём его таланте инженерное оборудование позиций на побережье нужно проводить не под пушки образца сорокового года, а под новые орудия. Плюс бронеплиты для усиления защиты огневых точек, новые наблюдательные приборы и всё то, для чего ещё нет ни инженерных наставлений, ни расчётов.

– А нужно ли тащить новые, ещё не отработанные виды вооружения? – Государь чуть прищурился, глядя на Горыню.

– Если сейчас евроорда получит по мозгам особенно больно, то ещё лет двадцать – тридцать будет тихо. – Горыня улыбнулся. – А к этому времени мы такое сделаем, они опупеют от горя. А чтобы они получили как следует, нужно всё поставить и расставить, как нужно. А кто ещё это сделает, кроме меня? Тотлебен, конечно, гений, и в следующий раз он всё это сделает так, что мне и не снилось, но в первый раз без меня никак.

– Сбежать, значит, задумал. – Михайло задумчиво начал барабанить пальцами по столешнице, обтянутой зелёным сукном.

– Так на войну же, а не к девкам... – нейтрально произнёс Васильчиков.

– Да, пусть бы лучше по девкам бегал, если здоровье позволит. – Отмахнулся император. – А ну как что случится, кто будет поднимать эти... как их... самолёты, вот.

– Первая эскадрилья сформирована и уже обучает пилотов второй волны. – Горыня удивлённо посмотрел на Михайло, не понимая, как мимо него мог проскочить документ о первом выпуске лётчиков-инструкторов. – Сейчас уверенно пилотируют уже двадцать восемь пилотов и заканчивают учёбу ещё тридцать человек. Через неделю второй выпуск, и мы закрываем весь состав Особой эскадрильи «Сокол». Техники уже готовы и проходят практику на обеспечении реальных полётов. Всего собрано и готово к использованию шестьдесят самолётов, запасные двигатели и боеприпасы из расчёта полсотни боевых вылетов на каждую машину. По результатам экзаменов и практических стрельб, а также учитывая звания, полученные до службы в отдельном учебном полку, командиром эскадрильи назначен полковник Степанян. И поверьте, государь, лучшего командира и не найти.

– Да знаю я, – ворчливо отмахнулся Михайло. – Переманили у егерей отличного командира. Мне Денис Васильевич тут целый скандал закатил.

– Вспомнит ещё господин Давыдов нас добрым словом, когда его егерей летуны будут прикрывать да забрасывать в тыл врага, – с улыбкой ответил Горыня. – И, государь, не его ли спешно в госпиталь доставили воздухолётом с рассечённым плечом?

– Его, – Васильчиков кивнул. – Решил первым ворваться во дворец наместника султана, вот и отхватил.

– В общем, у летунов дела идут и без меня. – Горыня вернул обсуждение к волнующей его теме. – Взять Царьград и проливы за оставшееся до войны время мы конечно же не успеем, а объединённый флот уже движется. И собственно время до войны – это ровно столько, сколько нужно, чтобы посадить всё это отребье на баржи и перебросить к нашим берегам.

– Доложили уже. – Михайло вновь нахмурился и, не чувствуя вкуса, допил бокал. – Думаешь, расколотим мы эту армаду?

– Расколотим, конечно. – Горыня пожал плечами. – Вопрос в том, сколько людей положим и не придётся ли выводить войско с Кавказа.

– Ладно. – Михайло кивнул. – Даю тебе своё дозволение. Сразу после обряда отправляйся в Южное войско. Будешь там главным по использованию летунов и

«Царёвым оком», о чём я сейчас же сообщу Тотлебену и командующему войском Багратиону. На время кампании дам тебе звание адмирала воздушного флота, чтобы летуны быстрее шевелились, и даже воздухолёт свой отдам. На время, конечно, но доберёшься «Белым лебедем».

– Не нужно. – Горыня усмехнулся. – Полечу на «Вещем Олеге». Его уже давно пора переводить ближе к фронту.

4

Круги ада, это ерунда. Я ушёл после девятого.

Лоренцо де Куава. Военный медикус легионерского госпиталя. Римская империя, 1850 год от обретения благодати

На двести пятом году жизни упокоился волхв-смотритель Нило-Столбенского Источника Елисей Михайлович Режицкий, известный миру как Елисей-врачеватель.

Личная Государева Канцелярия, Русский Волхвический Собор и Высший Сословный Совет выражают согласную скорбь по почившему всем ученикам Елисея-врачевателя, его семье и близким. Решением Русского Собора и Высшего Совета на содержание и благоустройство Нило-Столбенского Источника дополнительно выделено двести тысяч гривен, каковые будут потрачены на устройство гостиниц и подворий для страждущих и болезных. Также решено подворье Нило-Столбенского Источника, больницу и приемный дом назвать именем Елисея-врачевателя – Елисеевское подворье, и следующий новооткрытый источник тако же поименовать его именем «Источник Елисея-врачевателя».

«Московские новости». 28 травня 7361 года

Военная кооперация шотландских стрелков сообщает о найме на службу стрелков лучных, стрелков арбалетных, копейщиков, мечников строевых и обозников на время кампании в Русском царстве. Плата – полукрона в день для воинов, полфунта в день сражений. Шиллинг в день для обозников и флорин в день сражений.

Всем прибывающим иметь при себе оружие и броню согласно виду и отпускной патент. Обозникам прибывать с телегой и лошадью.

Приёмные конторы кооперации в столицах графств и Эдинбурге, по улице Медников, дом восемь.

Листовка Военной кооперации шотландских стрелков

Приказ охотничьих дел сообщает, что за прошедший месяц было изничтожено тварей Кромки сто десять голов, мелкой вредной нежити более полтысячи штук и зловредных духов домашних без счёта.

Также Приказ напоминает горожанам и общинникам своевременно проводить обработку нежилых строений от вредной нежити, и только теми амулетами, что имеют клеймо Приказа, и документ, подтверждающий силу одного. А в противном случа нежить та не только не убиенна будет, а и усилиться может, и из разряда мелкой нежити перейдёт в разряд средней, уязвление которой обойдётся намного дороже.

Публичная канцелярия Приказа охотничьих дел

В Родов дом, под венец, Горыня вошёл в широких белых шёлковых штанах-шароварах, алой рубахе и сафьяновых сапогах, а рядом шли пять невест в длинных платьях, с высокими кокошниками на головах и с волосами, убранными в длинные косы.

В огромном столичном храме было битком народу, но лишь родичи со стороны невест и жениха, хотя и таковых набралось больше сотни. Приехали даже неведомые Горыне сродственники из Сибири, каким-то образом подрядившие для такой оказии воздухолёт.

Невестины родичи, которые никак не могли поместиться в храме, устроили настоящую битву за то, кто из них удостоится такой чести. Но княжичу вся эта суета была глубоко безразлична. На женитьбу он шёл как на неприятную необходимость. До времени всеобщей демократии и свободы нравов было ещё лет двести, и не факт, что это время здесь вообще наступит, так что если царь сказал «надо», то все сразу же забегали. Поэтому он спокойно перенёс все стадии венчального обряда. И сватовство, когда пришлось ездить по всей Москве, к родителям невест, и смотрины, и рукобитие, и мальчишник, который он провёл со своим первым десятком, добравшимся наконец с Кавказа в Москву.

Свадебный поезд, длиной чуть не в пару вёрст, пока собирали невест из отчих домов и выстраивались длинной многослойной спиралью вокруг храма Рода на Красной площади, переполошил всю Москву и вызвал стихийное шествие толп народа к Красной площади.

Десяток Горыни – одетые в алые рубахи, загорелые до черноты воины стояли в первом ряду, довольно скалясь, поглядывая на подружек невест и оглаживая наверхия поясных кинжалов, словно разминая руки перед куда более приятным занятием.

Сам обряд венчания был простым и коротким. Молодые подносили простые деревянные чаши с дарами к подножию статуи Рода, стоявшей на небольшом возвышении, и распивали общую чашу с водой, в которую должны превратиться дары. Если же дары не были приняты, считалось, что они должны быть употреблены на нуждающихся, а воду в чашу наливал храмовый волхв.

Но никаких казусов не произошло. Чаши девиц поочерёдно окутывались разноцветными искрами, и в них появлялась мягко светящаяся вода.

Горыня для дара приготовил не золото и не драгоценные камни, как предлагали Михайло и князь Стародубский, а одинаковые, словно монеты, бляшки ванадия, полученного с его помощью в лабораториях Кропоткина[11 - В реальной истории был открыт в 1801 году профессором минералогии из Мехико Андресом Мануэлем Дель Рио.].

Ванадий был остро необходим самому Горыне и для производства новых двигателей, и для сотен других нужд, но княжич сам встал к тиглю и договорился с волхвами, что чистили для него руду и выделяли металл, для

того, чтобы дар соответствовал случаю.

Подойдя к ступеням последним, Горыня протянул чашу, и мгновенно в храме стало светлее.

Со скрипом и хрустом сидевшая на троне фигура сначала встала, подняв облако пыли, а затем, огромная, в два человеческих роста статуя сошла по ступеням вниз, сразу уменьшившись до нормальной высоты. Раскрашенные суриком и белилами одежды, в которые была облачена статуя, превратились в белую шёлковую рубашу и широкие белые штаны, подпоясанные сверкающим, словно расплавленное золото, тонким пояском.

– Ты не скупись, воин, – громко прозвучал в полной тишине голос, густой и тяжёлый, будто громовые раскаты. – Я помню твой первый дар, когда ты отдал самое дорогое, что у тебя было. И сейчас ты сделал дар, цены которого, может, и не понимаешь. – Рука древнего божества коснулась слитков, и они словно ртуть в золото впитались в тело. Род вздохнул, и от его вздоха задрожали витражи в окнах храма.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Здесь и далее годы от сотворения мира. 7355 год – это 1847 год от Рождества Христова. Рассчитывается как год от РХ плюс 5508.

2

Банник – мелкая нелюдь, живущая в основном в служебных и хозяйственных постройках.

3

Сражение на Березине – общее название боев 14 (26)–17 (29) ноября 1812 года между французскими корпусами и русскими армиями Чичагова и Витгенштейна на обоих берегах реки Березина во время переправы Наполеона в ходе Отечественной войны 1812 года.

4

Сухинь – месяц март в славянском календаре.

5

«Журавли». Слова: Расул Гамзатов. Музыка: Ян Френкель.

6

Дестреза – испанская школа фехтования, предполагающая не только владение двумя руками, но и круговые перемещения, основанные на биомеханике человека.

7

Мануэль Антонио ла Брея – знаменитый мастер дестрезы, написавший трактат «Principios universales y reglas generales de la verdadera destreza del espadin segun la doctrina mixta de francesa, italiana y espa?ola, dispuestos para instruccion de los caballeros seminaristas del real seminario de nobles de esta corte» (1805).

8

Неведник – маршальский титул в этой реальности.

9

Яд Борджиа – смесь ядовитых солей и токсичных веществ, не имеющая ни запаха, ни вкуса.

10

Тотлебен – русский генерал, знаменитый военный инженер, инженер-генерал (1869).

11

В реальной истории был открыт в 1801 году профессором минералогии из Мехико Андресом Мануэлем Дель Рио.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zemlyanoy_andrey/dvoynoy-gorizont

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)